

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ

Камо грядеши

*Роман в трех частях
из эпохи Нерона*

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЯНА СТЫКИ
И АДРИАНО МИНАРДИ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Польск.) 6-5
С31

Перевод с польского
В. Ахрамовича

Рисунок на переплете
О. Бабкина

Сенкевич Генрик

С31 Камо грядеши / Пер. с польск. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 616 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2603-4

Знаменитый исторический роман Генрика Сенкевича «Камо грядеши» («Куда идешь...») повествует о событиях великих и почти мифических. Первый век нашей эры, императорский Рим времен полубезумного лицедея Нерона, одержимого манией величия. Пылающий Вечный город, звери, рвущие на арене цирка тела рабов, невообразимые оргии и массовые казни... На этой пропитанной кровью и слезами земле разворачивается трагическая история первых христиан, принимают мученическую смерть апостолы Петр и Павел. В ткань своего поистине эпического повествования автор вплетает сюжеты о драматической судьбе Петрония, утонченного эстета и скептика, и о пламенной любви римского патриция Марка Виниция к христианке Лигии, любви всепобеждающей, освященной истинной верой, заставляя читателя задуматься о свободе выбора, дарованной человеку.

Настоящее издание проиллюстрировано 173 рисунками известного польского художника Яна Стыки и 55 рисунками итальянского мастера Адриано Минарди.

УДК 821.161.1
ББК 84(Польск.)6-5

ISBN 978-5-9922-2603-4

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Петроний проснулся около полудня и, как всегда, чувствовал себя очень усталым. Накануне он был у Нерона на пиру, затянувшимся далеко за полночь. За последнее время здоровье его стало ухудшаться. Он замечал сам, что по утрам просыпается изнуренный и не в силах собрать мысли. Но утренняя ванна и тщательный массаж всего тела при помощи приученных к этому рабов постепенно возвращали ленивой его крови жизнь, и она быстрее текла по его жилам, будила его, придавала бодрость и силу, — так что после натирания благовонным маслом, последней стадии утреннего туалета, он словно воскресал окончательно; глаза его блестели остроумием и весельем, он молодец, исполненный жизни, изящный и несравненный, так что сам Оттон не мог соперничать с ним, — словом, он был подлинный, как его называли, «arbiter elegantiarum»¹.

¹ Арбитр изящества (лат.).

В общественных банях он бывал редко: лишь в том случае, если там выступал какой-нибудь удивительный ритор, о котором все говорили в городе, или когда в эфебеях происходили исключительно интересные состязания. В его доме были свои бани, которые знаменитый Целер, товарищ Севера, перестроил для него, расширил и отделал с таким вкусом, что даже сам Нерон признавал их превосходство над цезарскими, хотя те и были значительно больше и несравненно пышнее.

И вот после пира, на котором он, заскучав от шутовских выходок Ватиния, затеял беседу с Нероном, Сенеккой и Луканом о том, имеет ли женщина душу, — теперь поздно встал и принимал обычную утреннюю ванну. Потом два сильных банщика положили его на кипарисном столе, покрытом белой египетской тканью, и, смочив руки в благовонном масле, стали растирать его холеное тело. С закрытыми глазами лежал он и ждал, пока теплота масла и горячих ладоней рабов не перейдет в него и не развеет усталости.

Немного спустя он заговорил, открыв глаза, и стал расспрашивать про погоду, потом о геммах, которые ювелир Идомен обещал прислать сегодня к нему на дом для осмотра...

Оказалось — погода прекрасная при легком ветре с Альбанских гор, а геммы не присланы еще. Петроний снова закрыл глаза и велел перенести себя в тепидарий¹; из-за занавеса показался раб и доложил, что молодой Марк Виниций, только что прибывший из Малой Азии, желает видеть его.

Петроний велел провести гостя в тепидарий, куда был перенесен и сам. Виниций был сын его старшей сестры, вышедшей за Марка Виниция, консулария времен Тиберия. Молодой Марк служил в настоящее время под начальством Корбулона и воевал против парфян, и теперь, после окончания войны, вернулся в Рим. Петроний чувствовал к нему некоторую слабость, похожую на любовь, — Марк был красивый, атлетически сложенный юноша, и в то же время он умел сохранять известную эстетическую меру в проявлениях римской испорченности, а это Петроний ценил выше всего.

— Привет Петронию! — сказал молодой человек, легкими шагами входя в тепидарий. — Пусть все боги будут благосклонны к тебе, а в особенности Асклепий и Киприда, — под их двойной опекой ничто дурное не может тебя встретить.

— Привет тебе в Риме, и пусть будет сладок твой отдых после войны, — ответил Петроний, протягивая руку из складок мягкой ткани, в которую был завернут. — Что слышно в Армении? Живя в Азии, не побывал ли ты в Вифинии?

Петроний был когда-то правителем этого города и, что удивительно, правил умело, энергично и справедливо. Это было в противоречии с характером человека, известного своей изнеженностью и любовью к роскоши. Потому-то он любил вспоминать те времена, что его успешное управ-

¹ Тепидарий — теплая (прохладная) баня.

— Привет Петронию! — сказал молодой человек,
легкими шагами входя в тепидарий.

ление служило показателем, чем он мог бы и сумел бы стать, если бы ему этого захотелось.

— Мне случилось побывать в Гераклее, — ответил Виниций. — После меня Корбулон собирал там вспомогательные войска.

— А, Гераклея!.. Я знал там девушку из Колхиды, за которую отдал бы всех здешних разведенных жен, не исключая Поппеи. Но это старые истории. Скажи лучше, что слышно у парфян? Мне надоели, сказать правду, все эти Вологезы, Тиридаты, Тиграны и прочие варвары, которые, по уверению молодого Арулена, ходят у себя дома на четвереньках и лишь в нашем присутствии стараются быть похожими на людей. Теперь о них много говорят в Риме, хотя бы потому, что говорить о чем другом опасно.

— Война идет без успеха, и если бы не Корбулон — легко могла бы стать нашим поражением.

— Корбулон! Клянусь Вакхом, он подлинный бог войны, настоящий Марс: великий полководец, дикий, вспыльчивый и глупый. Люблю его хотя бы за то, что Нерон боится его.

— Корбулон — не глупый человек.

— Может быть, ты и прав, а впрочем, это безразлично. Глупость, говорит Пиррон, нисколько не хуже мудрости и ничем не отличается от нее.

Виниций стал рассказывать о войне, но, заметив, что Петроний закрыл глаза, молодой человек переменил тотчас тему разговора и, видя перед собой усталое осунувшееся лицо друга, стал с беспокойством расспрашивать его о здоровье.

Петроний снова открыл глаза.

Здоровье?.. Плохо. Он не чувствует себя здоровым. Правда, он не дошел до состояния, в каком находится молодой Сиссен, который до такой степени перестал ощущать окружающее, что, когда его переносят в баню, он спрашивает: «Я сижу или лежу?» Но Петроний все же чувствует себя больным. Виниций отдал его под покровительство Асклепия и Киприды. Но он не верит в Асклепия. Неизвестно даже, чьим он был сыном, этот Асклепий — Арсиной или Корониды? А если нельзя точно назвать матери, то что же говорить об отце! Кто в настоящее время может быть уверен даже в своем отце!

Петроний засмеялся и продолжал:

— Правда, два года тому назад я послал в Эпидавр щедрый дар, но знаешь, почему я сделал это? Я сказал себе: поможет, не поможет, — во всяком случае, не повредит. Если вообще люди приносят еще жертвы, то, думаю, они рассуждают так же, как я. Все, за исключением разве погонщиков мулов, которые поджидают путешественников у Капенских ворот! Кроме Асклепия я имел также дело и с его жрецами, когда в прошлом году у меня разболелся мочевого пузырь. Они совершили инкубацию¹ ради мо-

¹ И н к у б а ц и я — обычай проводить ночь в храме с целью увидеть вещий сон.

его выздоровления, я же, хотя и знал, что они обманщики, говорил себе: разве это мне повредит? Мир стоит на обмане, жизнь — пустое самообольщение. Такое же самообольщение и наша душа. Но нужно иметь настолько ума, чтобы отличить обольщение приятное от неприятного. В моей уборной я велю жечь кедровые дрова, посыпая их амброй, потому что предпочитаю благоухание вони. Что касается Киприды, которой ты поручил меня, то я достаточно почувствовал на себе ее покровительство, испытывая стрельбу в правой ноге. Впрочем, эта богиня не злая! Думаю, что и ты рано или поздно отнесешь к ее алтарю белых голубей.

— Да, — сказал Виниций, — меня не достали стрелы парфян, но неожиданно ранил дротик Амура, и это случилось недалеко от ворот Рима.

— Клянусь белыми ножками харит, что ты расскажешь мне об этом на досуге, — сказал Петроний.

— Я пришел, чтобы просить у тебя совета, — ответил Марк.

В это время вошли банщики, которые и занялись Петронием, а Марк, следуя приглашению Петрония, сбросил с себя тунику и погрузился в теплую ванну.

— Я даже не спрашиваю, пользуешься ли ты взаимностью, — говорил Петроний, разглядывая молодое, словно высеченное из мрамора, тело Виниция. — Если бы тебя увидел Лисипп, то ты украшал бы теперь ворота Палатина в качестве статуи юного Геркулеса.

Молодой человек улыбнулся и, довольный, стал плескаться в ванне, разбрызгивая желтую воду по мозаике, изображавшей Геру в то мгновение, когда она просит Морфея усыпить Зевса. Петроний рассматривал его восхищенным взором художника.

Когда Марк кончил купаться и перешел в распоряжение банщиков, вошел чтец с бронзовым ящиком, наполненным свитками.

— Хочешь послушать? — спросил Петроний.

— Если это твое произведение, то охотно, — ответил Виниций, — если же нет, то предпочитаю беседовать. Поэты ловят теперь слушателей на всех перекрестках.

— Да, да! Нельзя пройти мимо базилики, мимо бань, библиотеки или книжной лавки, чтобы не увидеть жестикулирующего, как обезьяна, поэта. Агриппа, приехавший с востока, принял их за сумасшедших. Но теперь такое время. Цезарь пишет стихи, поэтому все делают это. Но нельзя писать стихов лучших, чем пишет цезарь, поэтому я немного боюсь за Лукуна... Но я пишу прозой, которой не угощаю, впрочем, ни себя, ни других. Чтец должен был читать записки бедняги Фабриция Вейнтонна.

— Почему «бедняги»?

— Потому что ему велено сидеть в Одиссе и не возвращаться к домашнему очагу впредь до нового распоряжения. Эта «одиссея» будет ему лишь постольку легче, чем настоящему Одиссею, поскольку жена его не похожа на Пенелопу. Не нужно говорить тебе, что все это очень глупо. Но здесь никто

не задумывается глубоко. Это довольно посредственная и скучная книга, которую стали жадно читать тогда лишь, когда автор был изгнан. Теперь отовсюду слышится: «Скандал! Скандал!» — возможно, что Вейнтон кое-что приврал, но я хорошо знаю наших отцов и наших женщин и уверяю тебя, что все это бледнее, чем в действительности. Каждый ищет со страхом себя в этих записках и с тайной радостью — своих друзей. В книжной лавке Авируна сто писцов пишут под диктовку — успех книги обеспечен!

— На тебя намеки там есть?

— Да, но автор промахнулся, потому что я в одно и то же время и хуже и менее пошл, чем он представил меня. Мы здесь давно потеряли сознание того, что хорошо и что дурно, — и мне порой, право же, кажется, что между этими понятиями вообще нет разницы, хотя Сенека, Музоний и Трасей притворяются, что видят ее. Мне это безразлично. Клянусь Геркулесом, я говорю, что думаю! Но я сохранил за собой одно преимущество, я знаю, что безобразно и что красиво, а этого хотя бы наш меднобородый поэт, наездник, певец, танцор и лицедей не понимает.

— Мне жаль Фабриция! Он был прекрасный товарищ.

— Его погубило самолюбие. Все его подозревали, но никто не знал на-верное, а он сам не мог удержаться и говорил всем о своем авторстве под величайшим секретом. Ты слышал об истории Руфина?

— Нет.

— Перейдем в прохладную комнату, мы там остынем, и я расскажу ее тебе.

Посреди фригидариума¹ светло-розовый фонтан разносил запах фиалок. Усевшись в нишах на шелковых простынях, они остывали. Некоторое время молчали. Виниций задумчиво смотрел на бронзового фавна, который, перегнув к себе через плечо нимфу, жадно искал губами ее губ. Потом он сказал:

— Этот фавн прав. Вот лучшее в жизни.

— Приблизительно! Но ведь кроме этого ты любишь еще войну, которой я не люблю, потому что в походных шатрах ногти ломаются и перестают быть розовыми. Впрочем, у каждого свое пристрастие. Меднобородый² любит пение, особенно свое собственное, а старый Скавр — свою коринфскую вазу, которую он целует, если не может заснуть. Края этой вазы уже лоснятся от его поцелуев. Скажи, ты не пишешь стихов?

— Нет, я не написал ни одного гекзаметра.

— И не играешь на лютне? Не поешь?

— Нет.

— На колеснице ездешь?

¹ Фригидариум — прохладная комната в бане.

² Меднобородый (*лат.* Ahenoburbus) — родовое прозвище фамилии Домициев, к которой принадлежал Нерон.

- Когда-то состязался в Антиохии, но без особого успеха.
- Тогда я спокоен за тебя. К какой партии принадлежишь в цирке?
- К зеленым.

— В таком случае я могу окончательно успокоиться. Хотя у тебя большое состояние, но все же ты не так богат, как Сенека и Палладий. Потому что у нас теперь хорошо: писать стихи, петь под аккомпанемент лютни, декламировать и состязаться в цирке, но еще лучше и, главное, безопаснее: не писать, не петь, не состязаться. Лучше всего удивляться, как искусно все это делает Меднобородый. Ты красив, и тебе может быть опасной Поппея, если влюбится в тебя. Но она слишком опытна в этом. Достаточно узнала любовь, будучи два раза замужем; в третьем браке ее интересует нечто иное. Знаешь, этот глупый Оттон безумно влюблен в нее до сих пор... Бродит в Испании по скалам и тяжело вздыхает; утратил свои старые привычки и перестал заботиться о своей наружности настолько, что теперь у него на прическу уходит лишь три часа в день. Кто бы мог ожидать этого от Оттона?

— Я понимаю его, — ответил Виниций. — Но на его месте я сделал бы нечто иное.

— Что же именно?

— Собрал бы верные себе легионы из тамошних горцев. Иберийцы — великолепные солдаты!

— Виниций, Виниций! Мне думается, что ты не был бы способен на это. И знаешь почему? Потому что такие вещи делают, но о них не говорят, даже условно. А я на его месте смеялся бы над Поппеей, смеялся бы над Меднобородым и собирал бы легионы не иберийцев, а ибериек. Самое большее — писал бы эпиграммы, которых, впрочем, не читал бы никому, как это делал бедный Руфин.

— Ты хотел мне рассказать о нем.

— Расскажу в унктуарии¹.

Но и там внимание Виниция было отвлечено прекрасными рабынями, которые ожидали их. Две из них, негритянки, похожие на великолепные статуи из черного дерева, стали натирать тела патрициев аравийскими благовониями, другие, искусные фригийки, держали в мягких и гибких, как змеи, руках полированные стальные зеркала и гребни; две божественно прекрасные гречанки ждали минуты, когда они смогут правильно сложить складки на тогах своих господ.

— Клянусь Зевсом Громовержцем, — воскликнул Марк Виниций, — у тебя великолепный выбор.

— Я предпочитаю качество количеству, — ответил Петроний. — Моя «фамилия» в Риме не превышает четырех сотен голов, и я полагаю, что для личных услуг только выскочки нуждаются в большем числе.

¹ Унктуарий — комната в бане.

— Более прекрасных девушек не имеет даже Меднобородый, — раздувая ноздри, говорил Виниций.

На это Петроний добродушно сказал:

— Ведь ты мой родственник, кроме того, я и не так истаскан, как Басс, и не такой педант, как Авл Плавтий.

Виниций, услышав последнее имя, забыл тотчас о прекрасных гречанках и оживленно спросил:

— Почему тебе пришел на ум Авл Плавтий? Знаешь, я повредил себе руку недалеко от Рима и принужден был провести несколько дней в его доме. Случайно он приехал туда и, видя мои страдания, оставил меня у себя, а его раб Мерион, врач, вылечил мою руку. Я об этом и хотел поговорить с тобой.

— О чем же? Уж не влюбился ли ты в Помпонию? В таком случае мне жаль тебя: она немолода и добродетельна! Не представляю себе худшего сочетания. Брр...

— Увы! Не в Помпонию! — ответил Виниций.

— В кого же?

— О если бы я знал! Я даже хорошо не знаю, как ее зовут: Лигия или Каллина. В доме ее зовут Лигией, потому что она родом лигийка, но ее варварское имя — Каллина. Станный дом Плавтиев. Людей много, и тихо, как в рощах Субиакума. В продолжение нескольких дней я даже не подозревал, что живет там богиня. Однажды на рассвете увидел я ее, когда она мылась у фонтана в саду. Клянусь той пеной, из которой вышла Афродита, что свет зари пронизывал ее тело насквозь. И я подумал, что, когда солнце взойдет, она растает в лучах, как тает утренняя заря. Потом я видел ее два раза, и с тех пор не знаю покоя, нет у меня другого желания, не хочу смотреть на Рим, не хочу женщин, золота, коринфской бронзы, янтаря, жемчугов, вина, пиров, ничего, — хочу лишь ее одну: Лигию. Я говорю тебе искренне, Петроний, что тоскую по ней, как тосковал изображенный на мозаике в твоей бане Морфей по Пасифее... Я тоскую по ней и днем и ночью...

— Если она рабыня, то купи ее.

— Нет, она не рабыня.

— Кто же? Вольноотпущенница?

— Не была рабыней — как может она быть вольноотпущенницей?

— Кто же?

— Не знаю: царская дочь или что-то в этом роде.

— Ты возбуждаешь мое любопытство, Виниций!

— Если хочешь выслушать меня, я тотчас удовлетворю его. История не слишком длинная. Ты, вероятно, знал Ванния, изгнанного короля свевов¹, который долго жил в Риме и стал даже знаменит своей счастливой игрой в

¹ С в е в ы — собирательное название ряда германских племен.

кости и богатством. Цезарь Друз вернул ему трон. Ванний был человек сильный, сначала правил хорошо, удачно воевал, но потом стал драть шкуру не только с соседей, но и со своих свегов. Тогда Вангий и Сидон, его племянники, сыновья Вибилia, царя германдуров¹, решили принудить его снова отправиться в Рим... испытывать счастье в игре в кости.

— Помню, помню, это было недавно, во времена Клавдия.

— Да! Вспыхнула война. Ванний призвал на помощь язигов², а его племянники — лигийцев, которые, заслышав о богатстве Ванния, жадные до добычи, прибыли в таком громадном количестве, что сам цезарь Клавдий стал беспокоиться за целостность своих границ. Цезарь не хотел вмешиваться в борьбу варваров, однако он написал Ателию Гистру, вождю дунайских легионов, чтобы тот внимательно следил за ходом войны и не допустил нарушения мира у нас. Тогда Гистр потребовал от лигийцев обещания не переходить наших границ, на что те согласились и даже дали заложников, в числе которых были жена и дочь их вождя... Ты ведь знаешь, что варвары берут с собой в поход своих жен и детей... Так вот моя Лигия и есть дочь этого вождя.

— Откуда ты все это знаешь?

— Мне рассказал об этом сам Авл Плавтий. Лигийцы действительно тогда не перешли границы, но ведь варвары налетают как ураган и так же быстро исчезают. Исчезли и лигийцы со своими турьими рогами на шлемах. Разбили полчища Ванния, и свегов и язигов, но в битве погиб их царь, а потом ушли с добычей, оставив заложников у Гистра. Мать вскоре умерла, а дочь была отослана к правителю Германии Помпонию, так как Гистр не знал, что ему с ней делать. Помпоний после окончания войны с коттами³ вернулся в Рим, где Клавдий, как тебе известно, позволил ему устроить триумф. Девушка шла за колесницей вождя, но после окончания торжества, так как заложницу нельзя было считать пленницей, и Помпоний, в свою очередь, недоумевал, что ему с ней делать; в конце концов, он поручил ее Помпонию Грецине, своей сестре, жене Плавтия. В доме, где все, начиная с господ и кончая цыплятами в курятнике, добродетельны, девушка стала — увы — такой же, как сама Помпония, и столь прекрасной, что даже Поппея в сравнении с нею кажется осенней фигой при гесперидском яблоке.

— Итак, что же?

— Повторяю, что с мгновения, когда я увидел, как свет зари проник в ее тело насквозь, я влюбился в нее без памяти.

— Значит, она так же прозрачна, как молодая сардинка?

¹ Германдуры — германское племя, обитавшее на территории современной Баварии и Тюрингии.

² Язиги — сарматское племя, обитавшее между Дунаем и Тиссой.

³ Котты — германское племя, обитавшее в верхнем течении р. Везер.

— Не шути, Петроний, и если тебя удивляет та легкость, с которой я говорю тебе о своем чувстве, то знай, что часто яркая одежда прикрывает глубокие раны. Должен тебе еще сказать, что, возвращаясь из Азии, я провел одну ночь в храме Мопса, чтобы увидеть вещий сон. И вот мне в сневидении явился сам Мопс и сказал, что в жизни моей произойдет большая перемена благодаря любви.

— Я слышал, как Плиний говорил, что он не верит в богов, но верит снам, — и, может быть, он прав. Мои насмешки не мешают мне иногда думать, что в самом деле существует некое единое божество, вечное, всемогущее и творческое, — Венера-Родительница. Она родит души, родит тела, родит весь видимый мир. Эрос вывел мир из хаоса. Хорошо это или плохо, но мы должны признать его могущество, хотя бы и не благословляли его...

— Ах, Петроний, легче в жизни услышать философию, чем добрый совет.

— Скажи мне, чего ты, собственно, хочешь?

— Хочу обладать Лигией. Хочу, чтобы мои руки, которые теперь обнимают воздух, обняли бы ее и могли прижать к груди. Хочу дышать ее дыханием. Если бы она была невольницей, я дал бы за нее Авлу сто девушек с ногами, выбеленными мелом, в знак того, что их в первый раз вывели на продажу. Хочу иметь ее в своем доме до тех пор, пока моя голова не станет такой же белой, как вершина горы зимой.

— Она не рабыня, но все-таки принадлежит к дому Плавтия, а так как у нее нет родных, то ее можно считать невольницей. Плавтий мог бы уступить ее тебе, если бы захотел.

— Значит, ты не знаешь Помпонию Грецины. Впрочем, оба они привязались к ней как к собственной дочери.

— Помпонию я знаю. Подлинный кипарис. Если бы не была женой Авла, была бы великолепной похоронной плакальщицей. После смерти Юлии не снимает черных одежд, вообще у нее такой вид, словно при жизни она ходит по полям, покрытым асфоделями¹. Кроме того, она «*univirga*» — женщина, имевшая только одного мужа, — и между нашими матронами, побывавшими в браке раз пять, может сойти за феникса. Кстати, слышал ли ты, говорят, феникс в самом деле возродился где-то в Верхнем Египте, что случается не чаще как один раз в пятьсот лет?

— Петроний, Петроний! Мы поговорим о фениксе когда-нибудь в другой раз.

— Что мне сказать тебе, мой Марк? Я знаю Авла Плавтия, который, хотя и бранит мой образ жизни, все же питает ко мне некую слабость, может быть, даже уважает больше, чем других, потому что знает, что я не способен быть доносчиком, подобно Домицию Афру, Тигеллину и всей шайке друзей Агенобарба. Не выдавая себя за стойка, я, однако, не раз

¹ Т.е. в царстве мертвых.

Евника встала на скамью и вдруг закинула руки вокруг шеи статуи, отбросив назад золотые свои волосы.

морщился от таких выходов Меднобородого, на которые Сенека и Бурр смотрели сквозь пальцы. Если ты думаешь, что я могу быть тебе чем-нибудь полезен у Авла, — я весь к твоим услугам.

— Думаю, что можешь. Ты имеешь влияние на него, твой ум необыкновенно остер. Если бы ты вник в положение, поговорил с Плавтием...

— У тебя преувеличенное мнение о моем влиянии и уме, но, если дело лишь за этим, я охотно поговорю с ним, как только они переедут в город.

— Они переехали два дня тому назад.

— В таком случае пойдем в триклиний¹, где нас ждет завтрак, а потом велим себя отнести к Плавтию.

— Ты всегда был мне мил, — с живостью заговорил Виниций, — но теперь я велю поставить твое изображение среди моих домашних лар², вот такое прекрасное, как это, и буду приносить ему жертвы.

И с этими словами он повернулся к стене, у которой стояли статуи, и показал рукой на изображение Петрония в виде Гермеса с посохом в руке.

Потом он прибавил:

— Клянусь светом Гелиоса, что божественный Парис был похож на тебя, поэтому нечего удивляться Елене.

И в этом возгласе слышалась неподдельная искренность, потому что Петроний хотя был старше и менее мускулист, но казался красивее Виниция. Женщины в Риме удивлялись не только его гибкому уму и вкусу, что давало Петронию право называться «*arbiter elegantiarum*», но также и телу его. И этот удивленный восторг отразился на лицах гречанок, которые приводили в порядок складки его тоги; одна из них, по имени Евника, была тайно влюблена в него и смотрела на него с обожанием и любовью.

Но он не обратил на это внимания и с улыбкой стал цитировать в ответ Виницию слова Сенеки о женщинах:

«*Animal impudens*»³, — и т.д.

Потом, обняв его, он повел Виниция в триклиний.

В бане гречанки, фригийки и негритянки стали убирать сосуды с благовониями. Но в ту же минуту из-за занавеса показались головы банщиков и раздалось тихое: «Псс!..» На этот призыв одна из гречанок, фригийки и обе негритянки тотчас исчезли за занавесом. В банях была минута полной свободы и разврата, чему не мешал надсмотрщик, и сам не раз принимавший участие в подобных похождениях. Догадывался об этом и Петроний, но как человек великодушный и не любивший прибегать к наказаниям смотрел на все сквозь пальцы.

В комнате осталась одна Евника. Некоторое время она прислушивалась к удалявшимся голосам и смеху, потом, подняв инкрустированную

¹ Помещение, в котором находится обеденный стол с ложами.

² Л а р ы — боги — хранители домашнего очага.

³ Бесстыдное животное (*лат.*).

янтарем и слоновою костью скамью, на которой только что сидел Петроний, осторожно поставила ее перед его статуей.

Комната была залита солнечным светом, переливавшимся на многоцветном мраморе, которым были выложены стены.

Евника встала на скамью и вдруг закинула руки вокруг шеи статуи, отбросив назад золотые свои волосы, — прижимаясь розовым телом к белому мрамору, она с волнением прижала свои губы к каменным губам Петрония.

ГЛАВА II

После трапезы, которая называлась завтраком и за которую два друга сели тогда, когда простые смертные давно уже пообедали, Петроний предложил немного вздремнуть. По его мнению, рано было идти в гости. Есть люди, которые навещают своих знакомых тотчас после восхода солнца, считая это старым римским обычаем. Но он, Петроний, считает это варварством. Наиболее удобно послеобеденное время, когда солнце перейдет в сторону храма Юпитера Капитолийского и станет сбоку взирать на Форум. Осенью бывает еще очень жарко, и люди охотно спят после еды. Приятно послушать журчанье фонтана в атриуме¹ и после обязательной тысячи шагов подремать в багряной тени, под наполовину затянутым пурпурным велариумом.

Виниций признал правоту слов Петрония, и они стали прохаживаться, ведя легкий разговор о том, что слышно нового на Палатине и в городе, и

¹ Атриум — главное помещение с верхним светом.

немного философствуя о жизни. После этого Петроний отправился в спальню, но спал недолго. Через полчаса он вышел и, велел принести вербену, стал нюхать ее и натирать себе руки и виски.

— Не поверишь, — сказал он, — как это освежает... Теперь я готов.

Лектика¹, давно ждала их. Они сели и приказали отнести себя на улицу Патрициев в дом Авла Плавтия. Инсула Петрония лежала на южном склоне Палатина, поэтому кратчайшая дорога проходила ниже Форума, но так как Петроний хотел побывать у ювелира Идомена, то приказал нести себя через Форум, в сторону Злодейской улицы, где было множество всякого рода таверн.

Огромные негры подняли лектику и понесли ее, имея впереди расчищавших дорогу рабов. Петроний время от времени молча подносил к лицу свои руки, пахнувшие вербеной, и, казалось, о чем-то глубоко размышлял. Потом он сказал:

— Мне приходит в голову, что если твоя лесная богиня не невольница, то она могла бы покинуть дом Плавтия и перейти в твой. Ты окружил бы ее любовью и богатством, как я свою божественную Хризотемиду, которая, говоря между нами, надоела мне так же, как и я ей.

Марк покачал головой.

— Нет? — спросил Петроний. — В худшем случае дело дошло бы до цезаря, и можешь быть уверен, что наш Меднобородый, хотя бы вследствие моего влияния, был бы на твоей стороне.

— Ты не знаешь Лигии! — ответил Виниций.

— Тогда позволь мне спросить. Знаешь ли ты ее? Говорил ли ты с ней? Признался ли в своей любви?

— Я увидел ее впервые у фонтана, потом встречался с ней два раза. Вспомни, что во время моего пребывания в доме Авла я жил в боковом помещении для гостей и, страдая от боли в руке, не мог принимать участия в общей трапезе. И лишь накануне своего отъезда я встретил Лигию за ужином — и не мог сказать ей ни слова. Пришлось слушать Авла, который рассказывал о своих победах в Британии, потом об упадке мелких хозяйств в Италии, против которого боролся еще Лициний Столон. Вообще, я не знаю, может ли Авл говорить о чем-нибудь другом, и ты не думай, что мы сумеем избежать этого, разве только ты захочешь слушать его жалобы на нынешнее безвременье и упадок нравов. У них фазаны в птичнике, но они их не едят, полагая, что каждый съеденный фазан приближает нас к концу римского могущества. Во второй раз я встретил ее около цистерны в саду с тростником в руке, который она погружала в воду и брызгала растущие вокруг ирисы. Посмотри на мои колени. Клянусь щитом Геракла, что они не дрожали, когда на наши манипулы² шли с воем тучи парфян, но они дрожали около этой цистерны. Смущенный, как мальчик, который носит

¹ Лектика — носилки.

² Манипулы — боевое подразделение римской армии.

*Она слушала меня также смущенная, с опущенной головой,
чертя тростником что-то на песке.*

еще буллу¹ на шее, я одними глазами молил о ласке, не будучи в состоянии вымолвить ни слова.

Петроний посмотрел на него с завистью.

— Счастливый! Пусть мир и жизнь будут злыми, одно в них останется вечным благом — молодость!

Потом он спросил:

— Ты заговорил с ней?

— Да. Придя немного в себя, я сказал, что возвращаюсь из Азии, что в дороге повредил себе руку и очень страдал, но в ту минуту, когда мне приходится покинуть этот гостеприимный кров, я вижу, что страдания здесь стоят гораздо больше, чем наслаждение в другом месте, болезнь лучше, чем где-либо здоровье. Она слушала меня также смущенная, с опущенной головой, чертя тростником что-то на песке. Потом она подняла глаза, посмотрела еще раз на знаки на песке, потом снова на меня, словно желая о чем-то спросить, и вдруг убежала, как дриада от глуповатого фавна.

— У нее, должно быть, красивые глаза.

— Как море, и я утонул в них, как в море. Поверь, что Архипелаг² не такой голубой. Потом прибежал маленький Плавтий и стал меня о чем-то расспрашивать. Но я ничего не понимал, ничего не слышал.

— О Афина! — воскликнул Петроний. — Сними этому юноше повязку с глаз, которую надел ему Эрот, потому что он рискует разбить себе голову о колонну храма Венеры.

Потом он обратился к Виницию:

— Ты — весенняя почка на дереве жизни, ты — первый зеленый побег виноградной лозы! Тебя следовало бы вместо Плавтиев отнести в дом Геллоция, где обучают неопытных в жизни мальчиков.

— Что ты, собственно, хочешь сказать?

— Что она чертила на песке? Не имя ли Амура, не сердце ли, пронзенное его стрелой? И разве нельзя по этому узнать, что сатиры уже нашептали этой нимфе на ухо разные тайны жизни? Как можно было не рассмотреть этих знаков.

— Я надел тогу раньше, чем ты думаешь, — ответил Виниций, — и прежде чем прибежал маленький Авл, я внимательно рассмотрел знаки. Я ведь знаю, что и в Греции и в Риме девушки часто чертят на песке признания, которых не в силах произнести уста... И угадай, что она начертила?

— Если не то, что я сказал, — не угадаю.

— Рыбу.

— Как ты говоришь?

— Говорю: рыбу! Значит ли это, что в жилах ее пока течет холодная кровь, — не знаю! Но ты, назвавший меня весенней почкой на древе жизни, ты, наверное, лучше меня разгадаешь этот знак.

¹ Булла — шейный амулет в виде шарика или кружка.

² Архипелаг — Эгейское море.

— Мой милый, об этом спроси лучше Плиния. Он понимает толк в рыбах. Если бы жив был старый Апиций, он также, вероятно, сумел бы рассказать тебе это, потому что в продолжение своей жизни съел столько рыбы, сколько не сможет вместить в себя Неаполитанский залив.

Дальнейшая беседа была прервана, потому что их вынесли на людную улицу, где мешал громкий говор прохожих. Через Аполлонову улицу они свернули на Форум, на котором в ясные дни перед закатом солнца сновали толпы праздного народа, разгуливали у колонн, передавали друг другу новости и сплетни, глазели на знаменитых людей, которых проносили в лектиках, наконец, заглядывали в ювелирные и книжные лавки, толпились около менял — всего этого было очень много в части рынка, расположенного против Капитолия. Половина Форума была в тени, тогда как колонны и крыши лежащих выше храмов сияли в солнце и лазури. Стоявшие ниже колонны отбрасывали длинные тени на мраморные плиты, повсюду их было так много, что взор терялся среди них, как в лесу. Казалось, что зданиям и колоннам здесь очень тесно. Громоздились одно над другим, бежали вправо и влево, вздымались кверху, прижимались к крепостной стене или одно к другому; колонны были похожи на большие и малые, толстые и тонкие, золотистые и белые стволы деревьев, расцветших под архитравами цветами аканта, скрученных в ионийские рога или увенчанных простым дорийским квадратом. Над этим лесом разноцветные триглифы, из тимпанов виднелись изваянные изображения богов, а на крышах крылатые золотые квадриги, казалось, готовы были улететь в воздух, в эту лазурь, которая спокойно распростерлась над тесным городом храмов. Посередине рынка и по краям струился поток людей: римляне гуляли под сводами базилики Юлия Цезаря, иные сидели на ступенях храма Кастора и Поллукса, иные ходили вокруг небольшого храма Весты, похожие на этом огромном мраморном фоне на разноцветных бабочек или жуков. Сверху, по ступеням от храма, посвященного «*Jovi Optimo Maximo*»¹, наплывали новые толпы; около ростр слушали каких-то ораторов; повсюду слышались крики продавцов фруктов, вина или воды, подслащенной фиговым соком; сновали лекаря, предлагавшие чудодейственные снадобья, гадальщики, толкователи снов. Среди громких разговоров и криков слышались порой звуки систра, греческой флейты или египетского самбука. Больные, богомольцы или люди, впавшие в несчастье, несли жертвы в храм. Среди людей виднелись на каменных плитах жадные, похожие на подвижные синие пятна, стаи голубей, то взлетающие с шумом вверх, то снова опускавшиеся на свободное место. Иногда толпа расступалась перед лектикой, в которой виднелось красивое женское лицо или патрицианская голова сенатора. Разноязычная толпа громко называла их имена, сопровождая их прозвищами, насмешками или похвалами. Между

¹ Юпитеру Наилучшему Величайшему (*лат.*).

беспорядочными толпами народа иногда проходили сомкнутым строем солдаты или стража, наблюдающая за уличным порядком. Греческий язык слышался повсюду так же часто, как и латинский.

Виниций, давно не бывший в Риме, с любопытством рассматривал разноплеменную толпу и Форум, царивший над миром и в то же время полоненный его многообразием. Петроний, угадав мысль Виниция, назвал его «гнездом квиритов без квиритов»¹. В самом деле римская стихия растворилась здесь, в этой толпе, состоявшей из представителей самых разнообразных народов и рас. Здесь были эфиопы, светловолосые великаны севера, бритты, галлы и германцы, косоглазые жители Серикума², люди с Евфрата и из Индии, с красными крашеными бородами, сирийцы с берегов Оронта, с лукавыми черными глазами; худощавые и гибкие сыны аравийских пустынь; египтяне с вечной равнодушной улыбкой на лице, нумидийцы, афры; греки из Эллады, которые вместе с римлянами владычествовали над городом, но власть их заключалась в знании, искусстве, уме и ловкости; греки с островов, из Малой Азии, из Египта, Италии, Галлии. В толпе рабов с проколотыми ушами было немало свободных бездельников, которых цезарь кормил, развлекал, даже навещал, много было здесь и пришельцев, которые искали в огромном городе легкой жизни и счастья; множество торговцев, жрецов Сераписа с пальмовыми ветвями в руках, жрецов Изиды, к алтарям которой приносилось больше жертв, чем в храм капитолийского Юпитера; жрецов Кибеллы, державших в руках золотистые кисти риса, бродячих жрецов, восточных танцовщиц в ярких шляпах; продавцов амулетов, укротителей змей; халдейских магов, людей всевозможных занятий, которые еженедельно осаждали склады хлеба на Тибре, дрались из-за билетов у цирка, проводили ночи в развалинах домов по ту сторону Тибра, а солнечные и теплые дни под портиками Форума, в грязных тавернах Субурры, на мосту Мильвия или перед домами знатных людей, где им время от времени бросали крохи со стола рабов.

Петроний был известен этой толпе. До слуха Виниция все время долетало имя Петрония и крики: «Вот он!» Его любили за щедрость, особенно же популярность Петрония возросла с того времени, когда стало известно, что он упрямил цезаря отменить смертный приговор всей фамилии, то есть без различия пола и возраста рабам префекта Педания Секунда за то, что один из них убил в минуту отчаяния своего жестокого господина. Правда, Петроний уверял, что ему это дело совершенно безразлично и что он говорил с цезарем как частный человек, как *arbiter elegantiarum*, эстетическое чувство которого было возмущено предполагавшейся варварской бойней, достойной каких-либо скифов, а не римлян. И все-таки простой народ, поднявший волнение по поводу приговора, с той поры полюбил Петрония.

¹ К в и р и т — полноправный римский гражданин.

² С е р и к у м — Китай.

Но тот мало заботился об этом. Он помнил, что этот народ любил также Британика, которого Нерон отравил, и Агриппину, которую велел убить, и Октавию, задушенную на Пандатарии после того, как предварительно ей были открыты жилы в горячей ванне, и Рубелия Плавта, который был изгнан, и Трасея, которому каждый день мог быть днем казни. Любовь народа служила скорее дурным знаком, а скептик Петроний был все-таки немного суеверен. Толпу он презирал вдвойне и как аристократ и как художник. Люди, от которых пахнет жареными бобами, спрятанными за пазухой, охрипшие и вечно потные от игры в свайку на перекрестках и перистильях¹, не заслуживали в его глазах имени людей.

Не отвечая на приветствия и посылаемые некоторыми поклонниками воздушные поцелуи, он рассказывал Марку дело Педания, смеясь над предательством уличной сволочи, которая на другой день после бурного возмущения уже рукоплескала Нерону, проезжавшему в храм Юпитера Статора. У книжной лавки Авирна он велел рабам остановиться и, выйдя из лектики, купил прекрасно оправленную рукопись, которую подал Марку.

— Это мой подарок тебе.

— Благодарю! — ответил Виниций. Взглянув на титул, он спросил: «Сатирикон»? Это новость. Чье это?

— Мое. Но я не хочу следовать ни примеру Руфина, историю которого собирался тебе рассказать, ни Фабриция Вейентона, — поэтому никто об этом не знает, и ты никому не говори.

— Ты говорил, что не пишешь стихов, — сказал Виниций, заглянув в середину рукописи, — а я вижу, что твоя проза сплошь пересыпана ими.

— Когда будешь читать, обрати внимание на пир Тримальхиона. Что касается стихов, то они мне стали противны с того времени, как Нерон занялся эпосом. Вителлий, желая вызвать тошноту, употребляет палочку из слоновой кости, которую засовывает себе в горло; иные пользуются перьями фламинго, смоченными оливковым маслом или отваром душицы, — а я читаю стихотворения Нерона, и результат следует немедленно. Потом я могу хвалить их если не с чистой совестью, то, по крайней мере, с очищенным желудком.

Сказав это, он снова велел рабам остановиться у ювелира Идомена и, заказав несколько гемм, приказал нести лектику в дом Авла Плавтия.

— Я расскажу тебе историю Руфина, чтобы наглядно показать, что такое авторское самолюбие, — сказал он.

Но прежде чем он успел начать, они свернули на улицу Патрициев и скоро очутились перед домом Авла.

Молодой, сильный привратник открыл перед ними дверь, ведущую в остиум; сорока, висевшая в клетке над дверью, хрипло приветствовала их резким криком: «Salve!»²

¹ Перистиль — колоннада, портик, галерея, окружающие площадь, двор, сад.

² Здравствуй! (лат.)

*Петроний был известен этой толпе.
До слуха Виниция все время долетало имя Петрония и крики: «Вот он!»*

Когда они шли из остиума собственно в атриум, Виниций сказал Петронию:

— Заметил ли ты, что здесь привратник не закован в цепи.

— Это какой-то странный дом, — вполголоса ответил Петроний. — Тебе, должно быть, известно, что Помпонию Грецину подозревали в принадлежности к какой-то восточной суеверной секте, основанной на почитании некоего Христа. Кажется, этому слуху она обязана Криспинилле, которая не может простить Помпонию, что та удовольствовалась одним мужем в продолжение всей своей жизни. *Univira!*.. В Риме немного найдется таких. Ее судили семейным судом...

— Ты прав, это действительно странный дом. Я потом расскажу тебе, что здесь слышал и видел.

Они вошли в атриум. Был послан раб, чтобы возвестить приход гостей, которым другие рабы придвинули кресла и скамейки под ноги. Петроний, полагая, что в этом суровом доме царит вечная печаль, никогда не бывал здесь, — и теперь он с удивлением и словно разочарованием осматривал атриум, который производил скорее веселое впечатление. Сверху падал сноп солнечного света, преломляющийся тысячей искр в фонтане. Квадратный бассейн с фонтаном посередине, предназначенный для собирания дождевой воды и называемый имплювиум, был окружен анемонами и лилиями. По-видимому, в доме особенно любили лилии — их было множество, белых, красных; много было и голубых ирисов, нежные лепестки которых серебрила водяная пыль. Среди мокрого мха, в котором были скрыты горшки с лилиями, среди густой зелени видны были бронзовые статуэтки, изображавшие детей и птиц. А в одном углу бронзовая лань склонила свою зеленую от сырости голову к воде, словно хотела пить. Пол атриума был украшен мозаикой; стены отчасти облицованы розовым мрамором, отчасти расписаны изображениями деревьев, рыб, птиц и грифов. Яркие краски радовали глаз. Двери в соседние комнаты были отделаны черепахой и даже слоновой костью, по стенам, между дверями, стояли статуи предков Авла. Повсюду виден был спокойный достаток, далекий от излишеств, но благородный и уверенный в себе.

Петроний, который жил пышнее и роскошнее, не нашел, однако, ни одной вещи, которая показалась бы ему безвкусицей, и он сказал об этом Виницию как раз в ту минуту, когда раб-веларий открыл завесу, отделявшую атриум от таблинума¹, и в глубине дома показался быстро идущий к гостям Авл Плавтий.

Это был человек преклонного уже возраста, с поседевшей головой, но еще крепкий, с энергичным лицом, немного, правда, маленьким, похожим на голову орла. И на этом лице было написано легкое изумление и даже беспокойство по поводу неожиданного посещения Неронова друга, товарища и советника.

¹ Таблинум — галерея, крытая терраса.

Но Петроний был слишком светским и умным человеком, чтобы не заметить этого, и потому с первых же слов, после приветствия, непринужденно и со свойственной ему любезностью сказал, что приходит сюда поблагодарить за попечение и заботы, которые были оказаны в этом доме сыну его сестры, и что исключительно желание засвидетельствовать свою благодарность является причиной его посещения, которому, впрочем, благоприятствует и старинное знакомство с Авлом.

Авл стал со своей стороны уверять, что радуется его приходу, а что до благодарности, то он, Авл, сам испытывает это чувство, хотя, вероятно, Петроний и не подозревает причины.

Петроний действительно не догадывался. Напрасно, подняв темные глаза, он старался вспомнить услугу, которую мог оказать Авлу или кому другому. Не вспомнил ни одной, кроме разве той, о которой хотел рассказать Виницию. Это, конечно, могло случиться, но лишь невольно.

— Я люблю и очень уважаю Веспасиана, которому ты спас жизнь, — сказал Авл, — когда тот имел несчастье однажды уснуть при чтении стихов цезарем.

— Наоборот, он был счастлив, потому что не слышал их, — ответил Петроний. — Но я не стану отрицать, что дело могло кончиться плохо. Меднобородый непременно хотел послать к нему центуриона с дружеским советом вскрыть себе вены.

— А ты, Петроний, осмелял его.

— Да, вернее, не его: я сказал цезарю, что если Орфей умел песней усыплять диких зверей, то его триумф равен, потому что он сумел усыпить Веспасиана. Меднобородому можно говорить дерзости при условии, чтобы в небольшой дерзости была большая лесть. Наша всемилостивейшая Августа Поппея понимает это прекрасно.

— Увы! Такие теперь времена, — сказал Авл. — У меня недостает спереди двух зубов, которые выбил мне камень, брошенный рукой британца, — потому-то я говорю со свистом, и, однако, счастливейшие минуты моей жизни я провел в Британии...

— Потому что это были минуты победы, — прибавил Виниций.

Но Петроний, испугавшись, что старый солдат станет рассказывать о своих давних походах, переменял тему разговора. Он стал говорить о том, что где-то в окрестностях жители нашли мертвого волчонка с двумя головами; что во время недавней бури молния ударила в крышу храма Луны, а это, принимая в расчет позднюю осень, вещь совершенно невероятная. Передававший ему это некий Котта прибавлял, что жрецы названного храма предсказывают по этому поводу гибель города или по крайней мере какого-нибудь большого дома, которой можно избежать лишь очень обильными жертвоприношениями.

Авл, выслушав рассказ, высказал мнение, что такими предзнаменованиями не следует пренебрегать. Боги могут быть разгневаны чрезмерны-

ми преступлениями — в этом нет ничего удивительного. Поэтому умиловительные жертвы в данном случае вполне уместны.

На это Петроний возразил:

— Твой дом, Плавтий, не так уж велик, хотя и живет в нем великий человек; мой дом, правда, слишком просторен для такого бездельника, как я, но все же не так уж велик и он. И если дело касается гибели большого дома, такого, например, как дворец, то стоит ли нам приносить жертвы, чтобы отвратить его гибель?

Плавтий ничего не ответил на этот вопрос, и такая осторожность задела Петрония, потому что при всем своем безразличии к доброму и злому он никогда не был наушником и разговаривать с ним можно было вполне откровенно. Он снова переменял тему и стал расхваливать жилище Плавтия и хороший вкус хозяина.

— Это — старое гнездо, — сказал Авл, — в котором я ничего не изменил после того, как получил его в наследство.

Когда была отдернута завеса, отделявшая атриум от таблинума, дом стал виден во всю длину; через перистиль и лежащий за ним зал взор достигал сада, который издали казался светлой картиной, заключенной в темную раму. Веселые молодые голоса долетали оттуда до атриума.

— Позволь нам, Авл, — сказал Петроний, — послушать вблизи этот искренний смех, теперь его так редко приходится слышать.

— Охотно, — ответил, вставая, Плавтий. — Это мой маленький Авл и Лигия играют в мяч. А что касается смеха, то ведь вся твоя жизнь, Петроний, проходит в нем.

— Жизнь смешна, потому я и смеюсь. Но здесь смех звучит иначе.

— Петроний не смеется в течение целого дня, — прибавил Виниций, — он посвящает этому ночи.

Так, разговаривая, они прошли вдоль всего дома и очутились в саду, где Лигия и Авл играли в мяч, причем рабыни, называемые сферистками, поднимали мячи и подавали играющим. Петроний бросил быстрый и беглый взгляд на Лигию. Авл, увидев Виниция, подбежал к нему, а тот склонился перед прекрасной девушкой, которая стояла с мячом в руке, раздумывая, немного запыхавшаяся, с слегка растрепавшимися волосами.

В триклиниуме, затененном виноградом, плющом и другими вьющимися растениями, сидела Помпония Грецина, и гости пошли приветствовать ее. Петроний, хотя и не бывал у Плавтиев, встречался с ней у Антистии, дочери Рубелия Плавта, кроме того, в доме Сенеки и у Полиона. И он не мог не удивляться, глядя на это печальное и в то же время ласковое лицо, на благородство ее фигуры, жестов, слов. Помпония до такой степени путала все его представления о женщинах, что этот испорченный до мозга костей и уверенный в себе, как никто в Риме, человек не только чувствовал к ней нечто похожее на уважение, но даже и терял свою обычную самоуверенность. И теперь, благодаря ее заботы о Виниции, он не-

За мальчиком следом вошла и Лигия.

вольно употребил слово «domina» — госпожа, которого никогда не сказал бы в разговоре, например, с Кальвией, Криспиниллой, Скрибонией, Валерией, Солиной и другими женщинами из большого света. После приветствия и благодарности он стал упрекать Помпонию, что она теперь нигде не показывается, что ее нельзя встретить ни в цирке, ни в амфитеатре, на что она спокойно ответила, положив свою руку на руку мужа:

— Мы стареем, и оба все больше и больше любим свой тихий дом.

Петроний хотел спорить, но Авл Плавтий прибавил своим свистящим голосом:

— Мы чувствуем себя чужими среди людей, которые даже наших римских богов называют греческими именами.

— Боги давно уже стали чем-то вроде риторических фигур, — небрежно бросил Петроний, — а так как риторике нас обучают греки, то мне самому легче, например, сказать Гера, чем Юнона.

Сказав это, он посмотрел на Помпонию, словно давая понять, что в ее присутствии иное божество не могло прийти ему в голову. Потом он стал спорить против ее слов о старости: «Правда, люди скоро стареют, но лишь те, которые ведут совсем иной образ жизни; кроме того, есть лица, о которых забыл, кажется, Сатурн». Петроний говорил это искренне, потому что Помпония Грецина, хотя и не была молодой, сохранила, однако, необыкновенную свежесть лица, и, несмотря на серьезность, печаль и темную одежду, казалась молодой еще женщиной.

Маленький Авл, который очень подружился с Виницием во время пребывания последнего в доме, подбежал, чтобы пригласить его принять участие в игре. За мальчиком следом вошла и Лигия. Под кружевом плюща, с солнечными кружками на лице, она показалась теперь Петронию красивее, чем на первый взгляд, — и действительно, она была похожа на какую-то нимфу. А так как он не успел приветствовать ее раньше, то теперь, поднявшись, он вместо обычных слов стал цитировать обращение Одиссея к Навсикае:

Не знаю, кто ты: дитя ли богов или девушка смертных.
Но коль жилищу земли повстречать судили мне боги,
Благословен будь отец твой с матерью благородной,
Благословенны и братья...

Даже Помпонию понравилась изысканная любезность этого светского человека. Лигия выслушала приветствие смущенная и раздумывая, не смея поднять глаз. Но постепенно смелость вернулась к ней, в уголках рта задрожала улыбка, на лице боролось девичье смущение с желанием ответить — и, по-видимому, это желание пересилило, потому что, быстро взглянув на Петронию, она ответила ему словами Навсикаи, произнеся стих отчасти как затверженный урок:

Но и ты не простец и, видно, знатного рода...

После чего, повернувшись, она убежала как испуганная птица.

Теперь для Петрония наступила очередь удивиться — он не надеялся услышать гомеровский стих из уст девушки, относительно варварского происхождения которой был предупрежден Виницием. Он вопросительно посмотрел на Помпонию, но та не могла ответить ему, потому что в эту минуту она с улыбкой глядела на радостную гордость, отразившуюся на лице старого Авла.

Он не мог скрыть своей гордости. Во-первых, он привязался к Лигии, как к собственному ребенку, во-вторых, несмотря на свое староримское предубеждение, которое велело ему метать громы против распространенной моды на все греческое, он все же считал знание греческого языка главным признаком образованности и хорошего воспитания. Сам он никогда не мог хорошо изучить его, от чего тайно страдал, поэтому теперь был рад, что такому изысканному римлянину, к тому же еще и писателю, который готов был считать дом Авла варварским, ответили здесь подлинным стихом Гомера.

— Есть у меня в доме наставник-грек, — сказал Авл, обращаясь к Петронии, — который занят обучением мальчика, а девушка любит присутствовать на уроках. Еще совсем ребенок, но милый ребенок, к ней мы оба очень привязались.

Петроний смотрел сквозь сетку плюща и каприфоля в сад на играющих. Виниций сбросил тогу и, оставшись в одной тунике, бросал вверх мяч, который, протянув руки, старалась поймать Лигия. Девушка на первый взгляд не произвела на Петрония сильного впечатления; она показалась ему слишком худощавой. Но когда в триклиниуме он ближе рассмотрел ее, то ему пришло в голову, что такой можно было бы изобразить утреннюю зарю, — и в качестве знатока он понял, что в ней есть что-то необычное. Все заметил и все оценил: и румяное нежное лицо, и губы, словно готовые к поцелую, и голубые, как лазурь морей, глаза, и алебастровую белизну лба, и волны темных волос, отсвечивающих янтарем или коринфской медью, и стройную шею, и божественный изгиб плеч, и всю ее фигуру, гибкую и стройную, молодую молодостью мая и только что распустившихся цветов. В нем проснулся художник и ценитель прекрасного, и он подумал, что под скульптурным изображением этой девушки можно было бы написать: «Весна». И вдруг ему вспомнилась Хризотемида — и он мысленно расхохотался. Она показалась ему, несмотря на золотую пудру в волосах и подведенные брови, необыкновенно жалкой, увядшей, похожей на пожелтевшую, роняющую лепестки розу. И однако весь Рим завидовал ему. Потом вспомнилась Поппея, — но и прославленная Поппея была похожа лишь на восковую маску. А в этой девушке с танагрскими формами была не только весна — была и лучистая Психея, просвечивающая сквозь тело, как пламя просвечивает сквозь занавес.

«Виниций прав, — подумал он, — а моя Хризотемида стара, стара... как Троя».

И он обратился к Помпонию Грецине. Показав ей на сад, он сказал:

— Теперь я понимаю, *domina*¹, что, имея таких двоих детей, вы избегаете пиров на Палатине и цирка.

— Да, — ответила она и повернулась в сторону Авла и Лигии.

А старик стал рассказывать историю девушки и то, что слышал от Ателия Гистра о живущем на далеком севере народе лигийцев.

Молодежь кончила игру, и некоторое время все трое гуляли по саду, выделяясь на черном фоне мирт и кипарисов белыми пятнами своих одежд. Лигия держала маленького Авла за руку. Потом они сели на скамье подле большого аквариума, занимавшего середину сада. Но скоро Авл подбежал к воде, чтобы пугать рыбок в прозрачной воде, а Виниций продолжал разговор, начатый во время прогулки.

— Да, — говорил он тихим взволнованным голосом, — не успел я сбросить претексту, как меня уж послали в азиатские легионы. Рима я не знал, не знал ни жизни, ни любви. Помню наизусть немного из Анакреона и Горация, но не смогу, как Петроний, говорить стихами тогда, когда ум немеет от удивления и не находит слов выразить его. Мальчиком ходил я в школу Музония, который говорил нам, что счастье заключается в том, чтобы желать, чего желают боги, и, следовательно, зависит от нашей воли. Однако я думаю, что есть иное, большее счастье, которое не зависит от воли, потому что дать его может только любовь. Сами боги ищут этого счастья, поэтому и я, о Лигия, я, который до сих пор не знал любви, следуя богам, ищу той, которая бы могла дать мне счастье...

Он замолчал, и некоторое время слышен был лишь легкий плеск воды, в которую маленький Авл бросал камешки, пугая рыб. Потом Виниций заговорил снова, еще тише и взволнованнее:

— Ты, вероятно, знаешь Тита, сына Веспасиана? Говорят, что еще юношей он так полюбил Беренику, что тоска по возлюбленной едва не лишила его жизни... Так и я мог бы полюбить, Лигия!.. Богатство, слава, власть — пустой дым, суета! Богач встретит более богатого, чем он, славного затмит чужая большая слава, властного осилит более могучий... Но разве сам цезарь, разве какой-нибудь бог сможет быть более счастливым, сможет испытать большее упоение, чем простой смертный в то мгновение, когда у его груди дышит другая грудь или когда он целует любимые уста... Любовь равняет нас с богами, Лигия!..

Она слушала Виниция с беспокойством, удивлением и вместе с тем так, словно это были звуки греческой флейты или кифары. Иногда ей казалось, что Виниций поет какую-то дивную песнь, которая проникает ей в уши, проникает в кровь, заставляет сердце замереть от страха и непонятной радости... Ей также казалось, что он говорит о чем-то таком, что было уже в ней раньше, но в чем она не умела отдать себе отчета. Чувствовала,

¹ Госпожа (*лат.*).

— Верую в Бога, единого, справедливого и всемогущего, — ответила
жена Авла Плавтия.

что он разбудил в ней то, что дремало до сих пор, и теперь туманный сон принимает все более ясные, милые, прекрасные формы.

Солнце давно уже перешло за Тибр и теперь низко опустилось над Яникульским холмом. На неподвижные кипарисы падал красный свет, и весь воздух был насыщен им. Лигия подняла голубые, словно пробудившиеся от сна, глаза, посмотрела на Виниция — и вдруг он в отблесках вечерней зари, склонившийся к ней с мольбой во взоре, показался ей прекраснейшим из людей, лучше всех тех римских и греческих богов, статуи которых она видела на фронтонах храмов. А он, слегка коснувшись пальцами ее руки немного выше кисти, спросил:

— Неужели ты не догадываешься, Лигия, почему я говорю тебе все это?

— Нет! — ответила она так тихо, что Виниций с трудом услышал ее.

Но не поверил ей и, привлекая к себе ее руку, готов был прижать ее к своему сердцу, которое громко стучало под влиянием страсти, разбуженной в нем этой чудесной девушкой. Он готов был высказать ей свое пламенное признание, если бы в эту минуту на дорожке, обрамленной миртами, не показался старый Авл Плавтий, который, подойдя к ним, сказал:

— Солнце заходит, поэтому берегитесь вечерней прохлады и не шутите с Либитиной¹...

— Нет, — ответил Виниций, — я до сих пор не надел тоги, но холода не ощущаю.

— Вот уже только половина солнечного диска видна за холмами, — говорил старый воин. — О, если бы здесь был нежный климат Сицилии, где по вечерам народ собирается на площадях, чтобы хоровым пением проститься с заходящим Фебом.

И, забыв, что перед этим остерегал их от Либитины, стал рассказывать о Сицилии, где у него была земля и большое хозяйство, в которое он был влюблен. Он сказал, что не раз ему приходило в голову переехать в Сицилию и там спокойно кончить свою жизнь. Довольно зимней стужи человеку, которому зимы убелили голову. Пока еще листья не опадают с деревьев и над городом улыбается ласковое голубое небо, но, когда листва пожелтеет и выпадет снег на Альбанских горах, а пронизывающий ветер навестит Кампанию, тогда, кто знает, может быть, он со всем домом переселится в свою тихую сельскую усадьбу.

— Ты хотел бы покинуть Рим, Плавтий? — спросил с внезапным волнением Виниций.

— Да, я давно уже собираюсь, — ответил старик. — Тихо там и безопасно.

Он снова стал расхваливать свои сады, стада, дом, окруженный зеленью, пригорки, поросшие тмином и клевером, над которыми жужжат роями пчелы. Но Виниций не слушал этой буколической поэмы — и, думая о

¹ Л и б и т и н а — римская богиня мертвых, смерти и погребения.

том, что может потерять Лигию, смотрел в ту сторону, где был Петроний, словно он один мог спасти его.

Петроний, сидя около Помпони, любовался видом заходящего солнца, красивого сада, стоящих у аквариума людей. Их белые одежды на темном фоне мирт отсвечивали золотом при закатном блеске. На небе заря из пурпурной переходила в фиолетовую и играла, как опал. Край неба был лиловый. Черные контуры кипарисов стали отчетливее, чем при солнце, а в людях, деревьях и всем саду воцарилось вечернее тихое успокоение.

Петрония поразило это успокоение — и особенно в людях. В лицах Помпони, старого Авла, их мальчика и Лигии было нечто, чего он не видел в лицах, которые окружали его ежедневно, вернее — еженощно: был какой-то свет, покой, мир, исходившие из той жизни, какой жили здесь все. И с некоторым удивлением он подумал, что может, однако, существовать красота и радость, которых он, искушенный в столь многом, не знает. Он не сумел скрыть этой мысли и, обратившись к Помпони, сказал:

— Я раздумываю о том, как отличается ваш мир от того мира, которым владеет Нерон.

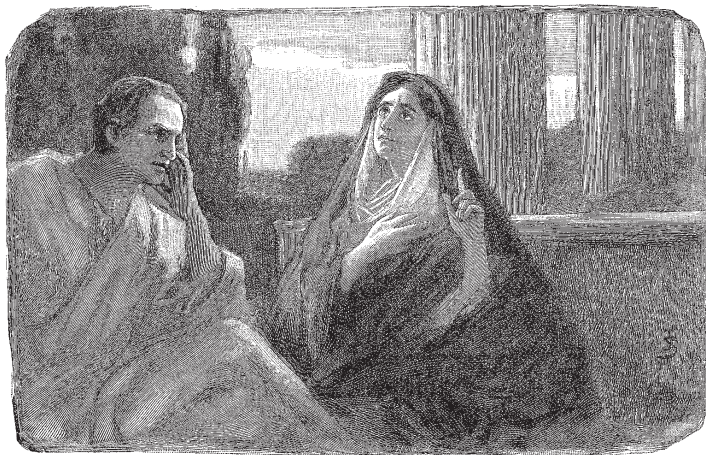
Она подняла свое маленькое лицо и, глядя на вечернюю зарю, просто ответила:

— Миром владеет не Нерон, а Бог.

Наступило молчание. Слышались шаги приближавшихся к триклиникуму Авла, Виниция, Лигии и мальчика, но, прежде чем они вошли, Петроний спросил:

— Значит, ты веруешь в богов, Помпония?

— Верую в Бога, единого, справедливого и всемогущего, — ответила жена Авла Плавтия.

ГЛАВА III

— **В**ерую в Бога, единого, справедливого и всемогущего, — повторил Петроний, когда снова очутился с Виницием в лектике. — Если ее Бог всемогущ, то он правит жизнью и смертью; если он справедлив, то не посылает смерти напрасно. Почему же в таком случае Помпония носит траур по Юлии? Тоскуя по Юлии, она осуждает своего Бога. Это мое рассуждение я должен повторить перед меднобородой обезьяной, ибо думаю, что в диалектике я равен Сократу. Что касается женщин, то я готов согласиться, что у каждой из них по три или четыре души, но нет ни одной души разумной. Пусть Помпония потолкует с Сенекой и Корнутом о том, что такое их Логос... Пусть они вместе вызовут тени Ксенофана, Парменида, Зенона и Платона, которые томятся где-то на Кимерийских полях, как чижы в клетке. Мне хотелось поговорить с ней и с Плавтием о другом. Клянусь священным чревом египетской Изиды, если бы я им просто сказал, зачем, собственно, мы пришли, то, по всей вероятности, их добродетель загудела бы, как медный щит, по которому ударили палкой. И я не решился! Поверись ли, Виниций, я не посмел! Павлины — прекрасные птицы, но слишком пронзительно кричат. И я убоился крика. Но должен похвалить твой выбор. Воистину «розоперстая Аврора»... И знаешь, кем еще она мне показалась? Весной! Не нашей итальянской, где лишь яблоня немного зацве-

тет да сереют оливки, а той, которую я когда-то видел в Гельвеции, — молодой, свежей, ярко-зеленой! Клянусь этой бледной Селеной, я нисколько не удивляюсь тебе, Марк, но знай, что ты влюблен в Диану и Авл с Помпонией готовы тебя растерзать, как некогда собаки растерзали Актеона.

Виниций не поднимал головы и молчал некоторое время. Потом заговорил голосом, прерывающимся от страсти:

— Я желал ее и раньше, а теперь желаю еще сильнее. Когда я коснулся ее руки, меня обжег пламень... Я должен обладать ею. Если бы я был Зевсом, я окутал бы ее тучей, как Ио, я упал бы на нее золотым дождем, как на Данаю. Я хотел бы до боли целовать ее уста! Я хотел бы услышать ее крик в моих объятиях. Я убил бы Авла и Помпонию, а ее схватил бы и унес на руках к себе в дом. Сегодня я не усну. Я велю истязать одного из рабов и буду слушать его стоны...

— Успокойся, — сказал Петроний, — у тебя страсть плотника из Сабурры.

— Мне все равно. Я должен обладать ею. Я обратился к тебе за советом, но если ты не дашь мне его, то я сам решу... Авл считает Лигию дочерью, почему же мне смотреть на нее, как на рабу? Если нет иного пути, то пусть она запрядет шерстью двери моего дома, помажет их волчьим салом и пусть сядет, как жена, при моем очаге, как того требует брачный обряд.

— Успокойся, безумный потомок консулов. Не за тем мы привязываем веревками к нашим колесницам варваров, чтобы потом брать себе в жены их дочерей. Берегись крайностей. Попытайся простыми и честными средствами добиться своего и дай мне и себе время подумать. Хризотемида также казалась мне дочерью Зевса, однако я не женился на ней, равно как Нерон не женился на Актее, хотя она и считалась дочерью царя Атгала... Успокойся... Ведь если она захочет ради тебя покинуть Плавтиев, они не вправе удерживать ее. Кроме того, знай, что горишь не ты один, — и в ней Эрот раздул пламя... Я заметил это, а мне можно поверить... Все можно устроить, но сегодня я и так много думал, а это меня утомляет. Обещаю, что завтра еще подумаю о твоей любви, и только разве Петроний перестал быть Петронием, если я не придумаю действительного средства...

Снова оба замолчали. Потом Виниций заговорил спокойнее:

— Спасибо, и пусть Фортуна будет щедрой к тебе.

— Будь терпелив.

— Куда ты велел нести себя?

— К Хризотемиде...

— Счастливцев, ты обладаешь той, которую любишь!

— Я? Знаешь, что меня забавляет в Хризотемиде? Она изменяет мне с моим собственным вольноотпущенником, лютнистом Теоклом, и думает, что я не вижу этого. Когда-то я любил ее, теперь меня лишь забавляет ее ложь и глупость. Пойдем со мной к ней. Если она начнет кружить тебе го-

лову и писать буквы на столе пальцем, омоченным в вине, то знай, что я не ревнив.

И они отправились оба к Хризотемиде.

Но у дверей Петроний положил руку на плечо Виницию и сказал:

— Стой, мне кажется, я придумал средство.

— Пусть боги наградят тебя...

— Да! Полагаю, что это удастся. Знаешь, Марк...

— Я внимаю тебе, моя Афина...

— Через несколько дней божественная Лигия проглотит в твоём доме зерно Деметры.

— Ты более велик, чем цезарь! — воскликнул взволнованный Виниций.

ГЛАВА IV

Петроний исполнил обещание.

На другой день после посещения Хризотемиды он, правда, проспал весь день и лишь с наступлением вечера велел отнести себя на Палаatin, где имел с Нероном дружескую беседу. Следствием этой беседы было то, что два дня спустя к дому Плавтия пришел центурион во главе небольшого преторианского отряда.

Времена были опасные и страшные. Такого рода гости чаще всего являлись вестниками смерти. Поэтому, когда центурион постучал молотком в дверь дома и слуги известили Авла, что в прихожей преторианцы, ужас охватил весь дом. Семья окружила старика, никто не сомневался, что опасность грозит прежде всего ему. Помпония, охватив руками его шею, прижалась к нему, и посиневшие губы ее шептали какие-то тихие, нежные слова; Лигия, побледневшая как полотно, целовала его руки; маленький Авл держался за его тогу. Из коридоров, из верхних комнат, из бани, кухни, из подвальных помещений — со всего дома сбежались толпы рабов и рабынь. Слышались крики: «Увы! Горе нам!» Женщины громко плакали; некоторые уже царапали себе щеки и покрывали головы платками.

И только старик, давно привыкший смотреть смерти прямо в глаза, оставался спокойным. И лишь его маленькое орлиное лицо стало словно

каменным. Через минуту, запретив рабыням шуметь и приказав всем разойтись, он проговорил:

— Пусти меня, Помпония! Если пришел мой час, то будет еще время попроситься.

И он слегка отодвинул ее. Она сказала:

— О, если бы твоя судьба была бы и моей судьбой, Авл!

Потом, упав на колени, она стала молиться с такой силой, какую может дать лишь страх за любимого человека.

Авл пошел в атриум, где его ждал центурион. Это был старый Кай Гаста, служивший под его началом, товарищ по британской войне.

— Здравствуй, вождь, — сказал тот. — Приношу тебе повеление и привет цезаря. Вот таблички и знак, что я пришел от его имени.

— Я благодарен цезарю за привет, а повеление его выполню, — ответил Авл. — Здравствуй и ты, Гаста. Скажи, с каким поручением ты приходишь ко мне.

— Авл Плавтий! Цезарю стало известно, что в доме твоём пребывает дочь лигийского царя, которую отец ее еще во времена божественного Клавдия отдал в качестве заложницы, чтобы заверить римлян, что границы империи не будут нарушены народом лигийским. Божественный Нерон благодарен тебе, вождь, за то, что ты оказывал ей в течение стольких лет гостеприимство в своем доме, но, полагая, что девушка в качестве заложницы должна находиться на попечении самого цезаря и сената, он повелевает тебе выдать ее сейчас мне.

Авл был слишком хорошим солдатом и закаленным человеком, чтобы позволить себе показать огорчение и говорить напрасные слова и жалобы. Однако складка от боли и внезапного гнева появилась на его челе. Перед такой складкой над бровью дрожали некогда британские легионы, и даже теперь на лице старого Гасты отразился страх. Но в настоящую минуту Авл Плавтий считал себя бессильным что-либо сделать. Он некоторое время смотрел на таблички, потом, подняв глаза на старого центуриона, сказал спокойным голосом:

— Подожди, Гаста, здесь, в атриуме, заложница будет выдана тебе.

Сказав это, он пошел в другой конец дома, где Помпония Грецина, Лигия и маленький Авл ждали его в страхе и тревоге.

— Никому не угрожает ни смерть, ни изгнание, — сказал он, — однако центурион явился вестником несчастья. Дело касается Лигии.

— Лигии? — воскликнула изумленная Помпония.

— Да! — ответил Авл.

И, обратившись к девушке, он стал говорить:

— Лигия, ты была воспитана в нашем доме как родное дитя, и оба мы, я и Помпония, любим тебя как дочь. Но ты знаешь ведь о том, что ты не наша дочь. Ты заложница, данная римлянам твоим народом, и попечение о тебе принадлежит цезарю. И вот цезарь берет тебя из нашего дома.

Старик говорил спокойно, но каким-то странным, необыкновенным голосом. Лигия слушала его, моргала глазами, словно не понимала, в чем дело; Помпония побледнела; в дверях снова показались испуганные лица рабынь.

— Воля цезаря должна быть выполнена, — сказал Авл.

— Авл! — воскликнула Помпония, обнимая девушку, словно желая защитить ее. — Для нее лучше было бы умереть.

Лигия, прижимаясь к ее груди, повторяла: «Мать моя! Мать!», не будучи в силах произнести среди рыданий иных слов.

На лице Авла снова появилось выражение боли и гнева.

— Если бы я был один на свете, — сказал он с печалью, — живой я не отдал бы Лигию и наши родственники могли бы сегодня же принести за нас жертвы богам... Но я не имею права губить тебя и нашего мальчика, который может дожить до более счастливых времен... Сегодня же я пойду к цезарю и буду умолять его, чтобы он отменил свое повеление. Выслушает ли он меня — не знаю. Пока прощай, Лигия, и знай, что и я и Помпония всегда благословляли тот день, когда ты впервые села у нашего очага.

Сказав это, Авл положил руку ей на голову; хотя он и старался сохранить спокойствие, однако в ту минуту, когда Лигия подняла на него глаза, полные слез, а потом схватила его руку и стала покрывать ее поцелуями, в голосе его послышалось глубокое отцовское горе.

— Прощай, радость наша и свет очей наших, — сказал он.

И быстро вышел обратно в атриум, чтобы не дать овладеть собой недостойному римлянина и старого солдата волнению.

Помпония увела Лигию в спальню и стала успокаивать ее, утешать, ободрять и говорила при этом слова, которые странно звучали в этом доме, где стоял еще ларарий¹ и очаг, на котором Авл Плавтий, верный старым обычаям, приносил жертвы домашним богам. Час испытания пришел. Некогда Виргиний пронзил грудь собственной дочери, чтобы спасти ее от Аппия; еще раньше Лукреция добровольно лишила себя жизни, чтобы избежать бесчестия. Дом цезаря — притон разврата, зла, преступления. «Но мы, Лигия, знаем, почему не имеем права поднять на себя руку!..» Да! То право, которым живут они обе, — иное, более святое; оно позволяет, однако, защищать себя от зла и позора, хотя бы за эту защиту пришлось заплатить жизнью и мучением. Кто выходит чистым из вертепа зла, тот большую имеет заслугу. Земля и есть такой вертеп, но, к счастью, жизнь — одно лишь короткое мгновение, а воскреснуть можно только из гроба, за которым властвует не Нерон, а Милосердие, где вместо боли — радость, вместо слез — веселье.

Потом она стала говорить о себе. Да! Она спокойна, но и в ее груди есть раны. На глазах ее Авла все еще лежит бельмо, не узрел он еще света

¹ Домашнее святилище, где помещались изображения ларов.

истины. Она не может также воспитать своего сына в истине. Когда она подумает о том, что так может быть до конца ее жизни и что может прийти час разлуки с ними, гораздо более страшной разлуки, чем эта временная, над которой они обе так горько теперь плачут, — она не может даже представить себе и понять, как будет, даже в небе, счастлива без них. Много ночей она проплакала, провела в молитве, умоляя о милости и благодати. Свою боль она приносит в жертву Богу и ждет и надеется. И когда теперь ее постигает новый удар, когда повеление насильника отнимает у нее дорогого человека, кого Авл назвал светом очей своих, она верит еще больше, зная, что есть власть большая, чем власть Нерона, и милосердие более сильное, чем его злоба.

Она крепче прижала к своей груди голову девушки; Лигия склонилась к ее коленям, спрятала лицо в складках ее пеплума¹, оставаясь так некоторое время в глубоком молчании, и когда поднялась наконец, то на лице ее появилось более спокойное выражение.

— Мне жаль тебя, мать, и отца, и брата, но я знаю, что сопротивление ни к чему не приведет и погубит вас всех. Но я обещаю, что никогда не забуду в доме цезаря сказанного тобою.

Она еще раз обняла Помпонию, а потом, когда они вышли из спальни, Лигия стала прощаться с маленьким Плавтием, со стариком-греком, их учителем, со своей нянькой, когда-то ходившей за ней, и со всеми рабами.

Один из них, высокий плечистый лигиец, которого в доме звали Урсом и который в свое время в числе других слуг прибыл в лагерь римлян с матерью Лигии, склонился теперь к ногам девушки и, обратившись к Помпонии, сказал:

— Domina, позволь мне идти с моей госпожой, чтобы служить ей и защищать ее в доме цезаря.

— Ты не наш, ты слуга Лигии, — ответила Помпония Грецина, — но пустят ли тебя в дом цезаря? И как ты сможешь защищать ее?

— Не знаю, domina, но ведь железо ломается в моих руках, как дерево...

Авл Плавтий, вошедший в эту минуту, узнав, в чем дело, не только не воспротивился желанию Урса, но даже подтвердил, что они не имеют права удерживать его. Они выдают Лигию как заложницу, которую требует цезарь, они обязаны выдать вместе с ней и ее слуг, которые вместе с ней переходят на попечение цезаря. И он шепнул Помпонии, что она может отпустить с Лигией столько рабынь, сколько сочтет необходимым, потому что центурион не вправе отказаться принять их.

Для Лигии это было некоторым утешением, а Помпония порадовалась, что может дать ей служанок по своему выбору. Кроме Урса она приставила к ней старую няньку, двух девушек с Кипра, искусных в расчесывании волос, и двух банных девушек-германок. Ее выбор пал исключительно на

¹ П е п л у м — женская верхняя одежда из легкой ткани без рукавов.

— Прощай, радость наша и свет очей наших, — сказал он.

обращенных в новую веру, и Урс исповедовал ее уже несколько лет, поэтому Помпония могла рассчитывать на верность этих слуг, а кроме того, порадоваться, что зерна новой правды будут посеяны и в доме цезаря.

Она написала несколько слов вольноотпущеннице Нерона Актее, поручая ей Лигию. Правда, Помпония не встречала ее на собраниях приверженцев новой веры, но она слышала от многих, что Актее никогда не отказывает им в помощи и жадно читает письма Павла из Тарса. Ей было известно также, что молодая вольноотпущенница живет в вечной печали, что она отличается от прочих женщин в доме Нерона и что вообще она является добрым гением дворца.

Гаста взялся лично вручить письмо Актее. Считая вещь совершенно естественной, что царская дочь должна иметь собственных слуг, он не препятствовал им отправиться вместе с ней, скорее удивился их малому числу. Но он просил поторопиться, опасаясь, что его обвинят в медлительности исполнения приказа. Час разлуки наступил. Глаза Помпонии и Лигии снова наполнились слезами; Авл еще раз возложил руки на голову девушки, и через минуту солдаты, провожаемые плачем маленького Авла, который, защищая сестру, грозил им своими кулачками, увели Лигию в дом цезаря.

Старый вождь велел приготовить для него лектику и, оставшись наедине с Помпонией в пинакотеке — картинной галерее, сказал ей:

— Послушай, Помпония. Я иду к цезарю, хотя знаю, что напрасно, и кроме того, пусть слово Сенеки уже ничего не значит для Нерона, я побываю и у Сенеки. Сегодня более влиятельны Софоний, Тигеллин, Петроний или Ватиний... Что касается цезаря, то, вероятно, он никогда и не слышал о народе лигийцев, и если теперь потребовал выдачи Лигии как заложницы, то потому, что его кто-то подучил сделать это, и нетрудно догадаться, кто именно.

Она подняла на него глаза и быстро произнесла:

— Петроний?..

— Да.

Они помолчали, потом Авл продолжал:

— Вот что значит пустить в свой дом кого-нибудь из людей без чести и совести. Пусть проклят будет тот час, когда Виниций переступил порог нашего дома! Он привел к нам Петрония. Горе Лигии! Им не заложница нужна, они хотят сделать ее наложницей.

Его речь от гнева, от бессильного бешенства на похитителей девушки стала еще более свистящей, чем всегда. Некоторое время он боролся с собой, и лишь сжатые кулаки показывали, как трудна для него эта внутренняя борьба.

— Я почитал до сих пор богов, — сказал он, — но теперь думаю, что нет их в мире и что есть только один, злой, бешеный, отвратительный, имя которому — Нерон.

Лигия стала прощаться с маленьким Плавтием, со стариком-греком, их учителем, со своей нянькой, когда-то ходившей за ней, и со всеми рабами.

Посередине рынка и по краям струился поток людей: римляне гуляли под сводами базилики Юлия Цезаря, иные сидели на ступенях храма Кастора и Поллукса, иные ходили вокруг небольшого храма Весты, похожие на этом огромном мраморном фоне на разноцветных бабочек или жуков.

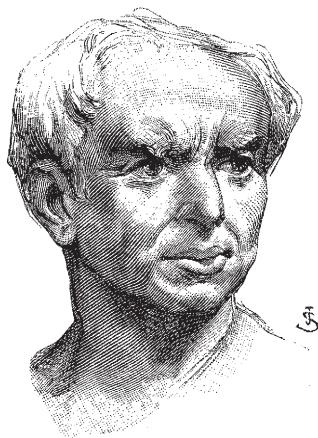
— Авл! — воскликнула Помпония. — Ведь Нерон лишь горсть праха в сравнении с Богом.

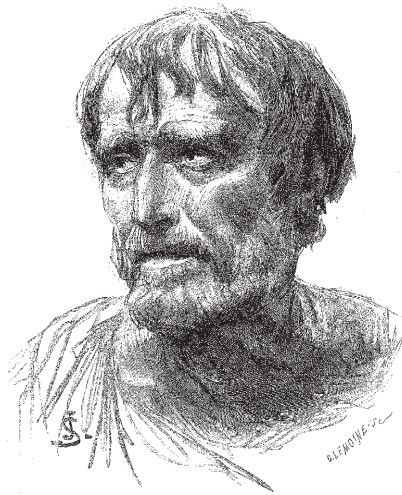
Старик ходил большими шагами по мозаичному полу галереи. В жизни его были великие дела, но не было великих несчастий, поэтому он не привык к ним. Старый воин привязался к Лигии больше, чем думал, и теперь не мог примириться с мыслью, что потерял ее. Кроме того, он чувствовал себя раздавленным. Над ним простерлась десница, которую он презирал и в то же время чувствовал, что его сила в сравнении с мощью этой десницы — ничто.

Когда он подавил наконец в себе гнев, который мешал ему думать, он сказал:

— Полагаю, что Петроний отнял у нас Лигию не для цезаря, он не решился бы навлечь на себя гнев Поппеи. Значит, или для себя, или для Виниция... Я сегодня же узнаю об этом.

Через несколько минут его несли на локти в сторону Палатина. Оставшись одна, Помпония пошла к маленькому Авлу, который не переставал плакать о сестре и грозил цезарю.

ГЛАВА V

Авл был прав, говоря, что его не допустят к цезарю. Ему было заявлено, что Нерон занят пением с лютнистом Терпосом и что он вообще не принимает тех, кого не позвал сам. Другими словами это означало, что Авл не должен и в будущем делать попыток увидеться с цезарем.

Зато Сенека, хотя и был болен лихорадкой, принял старого вождя с надлежащим почетом. Но когда внимательно выслушал в чем дело, горько улыбнулся и сказал:

— Могу оказать тебе лишь одну услугу, благородный Плавтий, а именно: я никогда не покажу цезарю, что сердце мое сочувствует твоей боли и что я хотел бы помочь тебе, потому что, если бы у цезаря возникло на этот счет малейшее подозрение, знай, что он не отдал бы тебе Лигии, хотя бы у него не было для этого никаких иных поводов, кроме одного — сделать мне назло.

Он не советовал обращаться ни к Тигеллину, ни к Ватинию, ни к Вителлию. При помощи денег, может быть, с ними и удалось бы что-нибудь сделать, пожалуй, они готовы были бы поступить назло Петронию, под которого стараются подкопаться, но вероятнее всего они обнаружили бы перед цезарем, что Лигия бесконечно дорога Плавтию, — и тогда цезарь тем более не отдал бы ее. Старый мудрец стал говорить с горькой иронией, обращенной на самого себя:

— Ты молчал, Плавтий, молчал целые годы, а цезарь не любит тех, кто молчит! Как мог ты не восторгаться его красотой, добродетелью, голосом, декламацией, ездой, управлением колесницей и стихами? Как мог ты не

прославлять смерти Британика, не произнести хвалебной речи в честь материубийцы и не поздравить его по случаю удушения Октавии? У тебя не хватает такта, Авл, — такта, которым в достаточной степени обладаем мы, счастливо живущие при дворе.

Говоря это, он взял кубок, который носил у пояса, зачерпнул воды из водоема, смочил воспаленные уста и продолжал:

— О, у Нерона благодарное сердце! Он любит тебя, потому что ты служил Риму и прославил его имя в далеких краях; любит он и меня, ибо я был его наставником в юности. Поэтому я знаю, что эта вода не отравлена, и я пью ее спокойно. Относительно вина в моем доме я менее уверен, но если тебя мучит жажда, то смело испей этой воды. Водопровод доставляет ее с Альбанских гор, и, желая отравить ее, пришлось бы отравить все водоемы Рима. Поэтому, как видишь, можно чувствовать себя в безопасности в этом мире и надеяться на покойную старость. Правда, я болен, но это скорее болезнь души, чем тела.

Это была правда. Сенеке не доставало той душевной силы, какой обладает, например, Корнут или Трасей, поэтому жизнь его была рядом уступок. Он сам понимал это, чувствовал, что последователь Зенона должен был идти другой дорогой, и от этого он страдал больше, чем от страха смерти.

Но вождь прервал его горестные размышления.

— Благородный Анний, — сказал Плавтий, — я знаю, как заплатил тебе цезарь за заботы, которыми ты окружал его в юные годы. Но виновником похищения нашей девочки является Петроний. Скажи мне, как можно повлиять на него, и подействуй сам на этого человека, помня о нашей старой дружбе.

— Петроний и я, — ответил Сенека, — мы люди противоположных лагерей. Как влиять на него — не знаю, он не поддается ничьим влияниям. Возможно, что при всей своей испорченности он все же лучше тех негодяев, которыми окружил себя за последнее время Нерон. Но доказывать ему, что он совершил дурной поступок, значит терять напрасно время. Петроний давно утратил способность отличать доброе от дурного. Докажи, что его поступок некрасив, тогда ему станет стыдно. Когда я увижусь с ним, я скажу: «Твой поступок достоин вольноотпущенника». Если это не поможет — не поможет ничто.

— Спасибо и за это, — сказал Авл.

Он велел отнести себя к Виницию, которого застал фехтующим с домашним фехтовальщиком-рабом. При виде молодого человека, спокойно отдающегося упражнениям в то время, когда совершено покушение на Лигию, старый Авл ужасно рассердился, и, когда раб был отослан, Виницию пришлось выслушать поток оскорблений и упреков. Но Виниций, узнав, что Лигия уведена, так смертельно побледнел, что даже Авл ни на ми-

нугу после этого не мог считать его соучастником покушения. Капли пота покрыли лоб юноши; кровь, на мгновение отлившая в сердце багровой волной, снова прилила к лицу, глаза метали молнии, губы растерянно шептали вопросы. Ревность и бешенство охватили его, как вихрь. Ему казалось, что Лигия, переступив порог дома цезаря, потеряна для него навсегда; когда же Авл произнес имя Петрония, подозрение словно молния озарило мозг молодого солдата. Петроний зло подшутил над ним и захотел либо добиться новых милостей у цезаря, подарив ему Лигию, либо оставить ее для себя. То, что кто-нибудь, увидев Лигию, мог не пожелать ее, не помещалось в голове Виниция.

Гнев, свойственный его роду, подобно бешеному коню, мчал его теперь неведомо куда, отнимая способность думать.

— Возвращайся домой, вождь, и жди меня... Знай, что, если бы Петроний даже был мне отцом, я отомстил бы ему за обиду Лигии. Возвращайся к себе и жди. Ни Петроний, ни цезарь не получат ее.

Потом, протянув руки к восковым маскам предков, он воскликнул:

— Клянусь этими масками смерти, раньше я убью и ее и себя!

Сказав это, он бросил Авлу еще раз: «Жди меня» и выбежал, как безумный, из атриума. Он отправился к Петронию, расталкивая по дороге прохожих.

Авл вернулся домой немного успокоенный. Если Петроний, рассуждал он, подговорил цезаря вытребовать Лигию, чтобы отдать ее Виницию, то Виниций отведет ее обратно в их дом. Немало утешила его мысль, что Лигия, если спасение ее станет невозможно, будет защищена от бесчестия смертью. Авл верил, что Виниций выполнит все, что обещал. Видел его бешенство и знал силу гнева, свойственную роду Марка. Он сам, хотя и любил Лигию, как отец, предпочел бы убить ее, чем отдать цезарю; и если бы не сын, последний отпрыск рода, он не колеблясь сделал бы это. Авл был солдатом, о стойках знал лишь понаслышке, но по характеру своему был близок им; к его понятиям, к его гордости смерть больше подходила, чем бесчестие.

Вернувшись домой, он успокоил Помпонию, и оба они, утешенные, стали ждать вести от Виниция. Когда в атриуме слышались шаги одного из слуг, они думали, что это Виниций ведет к ним их милую девушку, и готовы были в глубине души благословить их обоих. Но время шло, и никто не приносил желанной вести. И лишь вечером раздался удар молотка у ворот.

Вошел раб и подал Авлу письмо. Старый вождь хотя и гордился своим самообладанием, однако взял послание слегка дрожащими руками и стал читать с таким волнением, словно дело касалось судьбы его дома.

И вдруг по лицу его скользнула тень — так скользит тень от проплывающей тучи.

— Прочти, — сказал он, обращаясь к Помпонии.

Помпония взяла письмо и прочла следующее:

«Марк Виниций приветствует Авла Плавтия. То, что произошло, — произошло по воле цезаря, перед которой склоните головы, как склонили я и Петроний».

Наступило долгое молчание.

ГЛАВА VI

Петроний был дома. Привратник не посмел удержать Виниция, который ворвался в атриум как ураган и, узнав, что хозяина можно найти в библиотеке, так же стремительно бросился туда. Застав Петрония за писанием, он вырвал из его рук тростник, сломал его, бросил на землю, потом впился пальцами в плечо Петрония и, приблизив свое лицо к его лицу, стал задавать вопросы хриплым голосом:

— Что ты с ней сделал? Где она?

И вдруг произошло нечто неожиданное. Изнеженный и слабый Петроний схватил вдруг впившуюся в плечо руку молодого атлета, поймал затем и другую и, держа обе в своей с силой железных клещей, сказал:

— Я вял лишь по утрам, вечером ко мне возвращается моя сила. Попробуй вырваться. Гимнастике обучал тебя, по-видимому, ткач, а вежливости — кузнец.

На его лице не было даже гнева, и только в глазах светился тихий огонек силы и смелости. Через минуту он выпустил руки Виниция, который стоял перед ним покорный и пристыженный.

— У тебя стальная десница, — сказал он, — но клянусь тебе богами Аида, что, если ты предал меня, я воткну нож в твоё горло даже в доме цезаря.

— Поговорим спокойно, — ответил Петроний. — Как видишь, сталь крепче железа, поэтому, хотя из одной твоей руки и можно сделать две моих, все-таки мне не приходится бояться тебя. Но я огорчен твоей грубо-

стью, и если бы меня могла удивлять человеческая неблагодарность, то я удивился бы твоей.

— Где же Лигия?

— В лупанарии¹, то есть в доме цезаря.

— Петроний!

— Успокойся и сядь. Я просил у цезаря две вещи, которые он мне и обещал: во-первых, потребовать Лигию у Авла и, во-вторых, отдать ее тебе. Не прячешь ли ты нож в складках своей тоги? Может быть, ты ранишь меня! Но я советую тебе подождать несколько дней, потому что тебя посадят в тюрьму и Лигии одной придется скучать в твоём доме.

Наступило молчание. Виниций смотрел на Петрония изумленными глазами, потом сказал:

— Прости меня. Я люблю, и любовь делает меня безумным.

— Ты можешь негодовать, Марк. Вчера я сказал цезарю: мой племянник Виниций так влюбился в художавую девчонку, живущую у Плавтия, что его дом обратился в горячую баню от вздохов. Ты, цезарь, и я, мы ведь знаем, что такое подлинная красота, мы не дали бы за нее и тысячи сестерций, но этот юноша всегда был глуп, как треножник, а теперь поглупел еще больше.

— Петроний!

— Если ты не понимаешь, что я сказал это ради безопасности Лигии, то, пожалуй, я готов подумать, что сказал цезарю правду. Я убедил Меднобородого, что такой эстет, как он, не может считать подобную девушку красивой, — и Нерон, смотрящий на все до сих пор моими глазами, не найдет ее красивой, а потому и не пожелает ее. Нужно было обезопасить себя от этой обезьяны и привязать ее. Лигию оценит теперь не он, а Поппея, и она, конечно, постарается поскорее удалить девушку из дворца. И я небрежно говорил Меднобородому: «Возьми Лигию и отдай ее Виницию! Ты вправе сделать это, потому что она заложница, и, поступив таким образом, ты очень разобидишь Авла». Он согласился. Не было ни малейшей причины отказать, тем более что я дал ему случай причинить неприятность порядочному человеку. Тебя назначат государственным попечителем заложницы, отдадут тебе на руки это лигийское сокровище, а ты, как союзник храбрых лигийцев и вместе с тем верный слуга цезаря, не только не растратишь ничего из этого сокровища, но постарайся даже приумножить его. Цезарь, чтобы соблюсти приличие, поддержит ее несколько дней в своем доме, а потом отошлет ее тебе, счастливцу!

— Неужели это правда? Не грозит ли ей что-нибудь в доме цезаря?

— Если бы она поселилась там навсегда, Поппея поговорила бы о ней с Локустой, но в течение нескольких дней ей ничто не угрожает. Возможно, что Нерон совсем не увидит ее, тем более что он все дело поручил мне. Не-

¹ Лупанарий — публичный дом.

сколько минут тому назад у меня был центурион, сказавший, что он отвел Лигию во дворец и сдал ее на руки Актее. Актея — добрая душа, потому-то я и велел поручить ей Лигию. Помпония Грецина держится, по-видимому, того же мнения, потому что послала ей письмо. Завтра у Нерона пир. Я оставил за тобой место рядом с Лигией.

— Прости, Кай, мою горячность, — сказал Виниций. — Я думал, что ты увел ее из дома Авла для себя или для цезаря.

— Я могу простить горячность, но труднее простить грубые жесты, дикие крики и хриплый голос, словно у игрока в свайку. Этого я не люблю, Марк, и ты избегай подобных вещей. Знай, что поставщиком цезаря является Тигеллин, а если бы я вздумал взять себе эту девушку, то теперь, смотря прямо тебе в глаза, сказал бы следующее:

— Виниций, я отнимаю у тебя Лигию и буду держать ее при себе до тех пор, пока она мне не наскучит.

Говоря это, он смотрел своими холодными и гордыми глазами на юношу, так что тот окончательно был смущен.

— Я кругом виноват, — сказал он. — Ты добрый и честный, и я благодарен тебе до глубины души. Позволь мне задать тебе еще один вопрос. Почему ты не велел отослать Лигию прямо в мой дом?

— Потому что цезарь любит соблюдать приличия. В Риме будут говорить об этом, а так как Лигия — заложница, то пока будут говорить, она останется в доме цезаря. Потом ее отошлют к тебе — и делу конец. Меднобородый труслив как собака. Знает, что власть его безгранична, и все-таки старается каждому своему поступку придать законный вид. Достаточно ли ты успокоился, чтобы немного пофилософствовать? Мне не раз приходил в голову вопрос, почему преступление, даже если оно сильно, как цезарь, и, как он, уверено в своей безнаказанности, все-таки всегда старается облечь себя формой справедливости, закона, добродетели?.. Зачем ему этот труд? Я думаю, что убить брата, жену, мать — все это дела, достойные азиатского царька, а не римского цезаря; но, если бы со мной случилось подобное, я не писал бы оправдывающихся писем сенату... А Нерон пишет, Нерон старается соблюдать приличия, Нерон — трус. Тиверий не был трусом, однако и он старался оправдать каждое свое преступление. Почему это так? Что это за невольная странная почтительность зла перед добром? И знаешь, что я думаю? Это происходит оттого, что преступление безобразно, а добродетель красива. Следовательно, истинный любитель красоты в то же время является добродетельным человеком. Я должен сегодня плеснуть из чаши немного вина теньям Протагора, Продика и Горгия. Оказывается, что и софисты могут пригодиться. Слушай, я буду говорить дальше. Я отнял Лигию у Плавтиев, чтобы отдать тебе. Прекрасно. Но ведь Лизипп создал бы из вас обоих чудесную группу. Вы оба прекрасны, следовательно, и мой поступок прекрасен, а если он прекрасен, то не может быть дурным. Смотри, Марк, перед тобой сидит добродетель, во-

площенная в лице Петрония. Если бы Аристид был жив, он должен был бы прийти ко мне и заплатить сто мин¹ за краткий урок добродетели.

Но Виниций, которого действительность интересовала больше, чем уроки добродетели, сказал:

— Завтра увижу Лигию, а потом буду видеть ее ежедневно в своем доме до самой смерти.

— У тебя будет Лигия, а у меня на шее Авл. Он накличет на меня месть всех подземных богов. И хоть поучился бы, животное, раньше у хорошего учителя декламации... Он будет так ругаться, как ругался с моими клиентами старый привратник, отосланный за это мной в деревню на тяжелую работу.

— Авл был у меня. И я обещал ему прислать известие о Лигии.

— Напиши, что воля «божественного» цезаря есть высший закон и что твой первенец будет носить имя Авла. Нужно немного утешить старика. Я готов просить Меднобородого, чтобы он пригласил его на завтрашний пир. Пусть бы он увидел в триклиниуме тебя рядом с Лигией.

— Не делай этого, — сказал Виниций. — Мне жаль их, особенно Помпонию.

И он сел писать то письмо, которое отняло у старого вождя последнюю надежду.

¹ М и н а — греческая денежная единица.

ГЛАВА VII

Перед Актеей, прежней подругой Нерона, склонялись некогда головы наиболее гордых римлян. Но и тогда она не хотела мешаться в государственные дела и если когда и употребляла свое влияние на молодого владыку, то лишь для того, чтобы выпросить кому-нибудь помилование. Тихая и спокойная, она снискала благодарность многих и никого не сделала своим врагом. Не смогла возненавидеть ее даже Октавия. Ревнивым она казалась слишком малоопасной. Знали, что она любит Нерона любовью печальной и болезненной, которая живет уже не надеждой, а лишь воспоминаниями тех дней, когда Нерон был не только более молодым и любящим, но и лучшим человеком. Знали, что от этих воспоминаний она не может оторвать своих мыслей, но ничего не ждет от будущего; никто не боялся, что цезарь вернется к ней, поэтому смотрели на нее, как на существо совершенно безвредное, и оставили ее в покое. Поппея имела в ее лице покорную служанку, столь неопасную, что даже не понадобилось отослать ее из дворца.

Но так как цезарь любил ее когда-то и покинул без гнева, спокойно и даже дружелюбно, то с ней немного считались. Дав ей свободу, Нерон отвел ей помещение во дворце и дал несколько прислужниц. В свое время вольноотпущенники Клавдия, Нарцисс и Паллас, не только принимали участие в пирах, но даже в качестве приближенных цезаря занимали лучшие места, поэтому и Актею иногда приглашали к столу цезаря. Делали это, может быть, и потому, что ее прекрасный облик был подлинным украшением стола. Впрочем, цезарь в выборе общества давно перестал руководиться какими бы то ни было соображениями. За его стол садилась самая разнообразная смесь людей всевозможного положения и происхождения. Были сенаторы, но преимущественно те из них, которые в то же время могли служить шутами. Были патриции, старые и молодые, жадные до роскоши, блеска и пышности. Были женщины, носившие громкие имена, но не стеснявшиеся по ночам надевать рыжий парик и искать веселых приключений на темных улицах. Бывали жрецы, которые за полными чашами сами рады были посмеяться над своими богами, а рядом с ними всякого рода проходимцы — певцы, мимы, музыканты, танцовщики и плясуньи, поэты, которые, декламируя стихи, думали о сестерциях, которые могли им быть пожалованы за лестные отзывы о стихах цезаря; голодные философы, жадными глазами смотревшие на подаваемые блюда; наконец, известные наездники, фокусники, лекари, шуты самые разнообразные, благодаря моде и глупости, однодневные знаменитости, шарлатаны, среди которых было немало таких, которые длинными волосами прикрывали свои проколотые уши рабов.

Более знаменитые из них садились за стол, другие развлекали пирующих во время еды, ожидая минуты, когда им позволено будет наброситься на остатки кушаний и напитков. Такого рода гостей доставляли Тигеллин, Ватиний и Вителлий, которым приходилось часто заботиться и о подобающей покоям цезаря одежде для приглашенных; впрочем, цезарь любил подобное общество, чувствуя себя в нем наиболее свободным. Роскошь двора все украшала и всему придавала блеск. Великие и малые, потомки знатных родов и люди с мостовой, знаменитые художники и жалкие подражатели — все теснились у дворца, чтобы насытить ослепленные взоры пышностью и блеском, превосходящим человеческие понятия, и приблизиться к источнику милостей, богатства и всяких благ, одно слово которого могло, правда, унижить, но могло и вознести выше меры.

Лигия должна была принять участие в подобном пире. Страх, неуверенность, растерянность, неудивительные в подобных обстоятельствах, боролись в ней с желанием оказать сопротивление. Она боялась цезаря, боялась людей, боялась дворца, оживление которого смущало ее, боялась пиров, о бесстыдстве которых слышала от Авла, Помпонии и их друзей. Будучи молодой девушкой, она многое знала, потому что знания дурных сторон жизни в те времена не могли избежать даже дети. Поэтому она знала, что в этом дворце ей грозит гибель, о которой, впрочем, говорила ей

Помпония в минуту расставания. Но ее молодая душа, которой не коснулась еще испорченность и в которую были уже посеяны семена нового учения ее приемной матерью, готова была оказать сопротивление этой гибели. Она дала обещание матери, себе и тому Божественному Учителю, в которого не только верила, но и возлюбила своим детским сердцем за сладость учения, за горечь смерти и за славу воскресения.

Она знала, что теперь ни Авл, ни Помпония Грецина не будут ответственны за ее поступки, поэтому не лучше ли будет, думала она, отказаться от участия в пире? С одной стороны, в душе ее говорили страх и беспокойство, с другой — рождалось желание показать себя смелой, решительной, готовой пойти на муку и смерть. Ведь так велел Божественный Учитель. Ведь он нам подал пример. Помпония рассказывала ей о тех ревностных последователях нового учения, которые жаждут от всей души подобного испытания и просят его. Лигия, живя в доме Авла, испытывала иногда подобное желание. Она представляла себя мученицей, с ранами на руках и ногах, белой как снег, исполненной неземной красоты, и белые ангелы уносили ее в лазурь. Ее воображение тешило себя подобными образами. Много было в этом детского, но было и самолюбование, за которое осуждала ее Помпония. Теперь, когда неповиновение цезарю могло повлечь за собой какую-нибудь жестокую кару, когда знакомые воображению муки могли стать действительностью, к прекрасным образам ее фантазии присоединилось смешанное со страхом любопытство, какой каре будет подвергнута она, какой род мучений придумают для нее.

И так колебалась ее юная душа. Актея, узнав об этих колебаниях, посмотрела на нее с таким удивлением, словно девушка говорила об этом в бреду. Не повиноваться цезарю? Навлечь на себя в первый же день его гнев? Для этого нужно быть ребенком, который не понимает, что говорит. Из собственных слов Лигии следует, что она не заложница, а девушка, забытая своим народом. Ее не защищает никакой закон, а если бы и защищал, то цезарь слишком могуч, чтобы нарушить его в минуту гнева. Цезарю захотелось взять ее — и она в его власти. С этой минуты нет над ней иной воли, кроме его.

— Да. И я читала, — говорила Актея, — письма Павла из Тарса, и я знаю, что в небе есть Бог и есть Сын Божий, который воскрес, — но на земле есть лишь цезарь. Помни об этом, Лигия! Знаю, что учение не позволяет тебе быть тем, чем была я, и что вам, как стоикам, о которых рассказывал мне Эпиктет, можно выбрать лишь смерть, когда придется выбирать между нею и бесчестьем. Но можешь ли ты быть уверена, что тебя ждет смерть, а не бесчестье? Разве не слышала ты о дочери Сеяна, которая, будучи маленькой девочкой, должна была по приказанию Тиверия ради соблюдения закона, запрещавшего предавать смертной казни девушек, перед смертью пережить страшное насилие? Лигия, Лигия, не дразни цезаря! Когда наступит решительная минута и тебе придется выбирать между бесчестьем и

смертью, поступи так, как велит тебе твоя правда, но не ищи добровольно гибели, не дразни по пустому поводу земного, и притом жестокого, бога.

Актея говорила с великой жалостью и даже с волнением. Будучи от природы близорукой, она приблизила свое нежное лицо к лицу Лигии, словно желая убедиться, какое ее слова производят на ту впечатление.

Лигия, доверчиво обняв ее шею, сказала:

— Ты добрая, Актея!

Актея, растроганная похвалой и доверчивостью, прижала ее к своей груди, а потом, освободившись из объятий девушки, сказала:

— Мое счастье миновало, и радость миновала, но я не злая.

Потом она стала ходить по комнате и говорить, словно была одна:

— Нет, и он не был злым. Сам думал тогда, что добрый, и хотел быть добрым. Об этом я знаю лучше всех. Это все пришло потом... Когда он перестал любить... Другие сделали его таким, какой он сейчас, другие... и Поппея!

Глаза ее наполнились слезами. Лигия следила за ней своими голубыми глазами и наконец сказала:

— Тебе жаль его, Актея?

— Жаль! — глухо ответила гречанка.

И снова она стала ходить со сжатыми, словно от боли, руками, с лицом, на котором видно было отчаяние.

Лигия несмело спросила:

— Ты его еще любишь, Актея?

— Люблю...

И тотчас прибавила:

— Его никто, кроме меня, не любит...

Наступило молчание, во время которого Актея постаралась вернуть себе смущенное воспоминаниями спокойствие, и когда наконец лицо ее приняло выражение обычной тихой печали, она сказала:

— Поговорим о тебе, Лигия! Ты и не думай сопротивляться воле цезаря. Это было бы безумием. Успокойся... Я хорошо знаю этот дом и думаю, что со стороны цезаря тебе не грозит ничего дурного. Если бы цезарь хотел тебя взять для себя, он не поселил бы тебя на Палатине. Здесь царствует Поппея, а Нерон, с того времени как у нее родилась дочь, еще больше подчинился ей... Нет. Правда, Нерон велел, чтобы ты присутствовала на пиру, но он до сих пор не видел тебя, не спросил о тебе: ему нет до тебя дела... Может быть, он отнял тебя у Авла и Помпонии для того только, чтобы позлить их... Петроний написал мне, чтобы я позаботилась о тебе; об этом же просит и Помпония; может быть, он делает это по ее просьбе. Если это так, если и Петроний примет в тебе участие по просьбе Помпонии, тебе не грозит здесь ни малейшей опасности, — и кто знает, может быть, Нерон по его совету отошлет тебя обратно к Авлу. Я не знаю, любит ли его Нерон, но он редко решается быть другого мнения, чем Петроний.

— Ах, Актея! — воскликнула Лигия. — Петроний был у нас накануне, и моя мать уверена, что Нерон потребовал меня по его совету.

— Это было бы плохо, — сказала Актея.

Подумав немного, она продолжала:

— Но возможно, что Петроний проболтался за ужином, что видел у Авла заложницу лигийцев, и Нерон, ревнивый к своей власти, потребовал тебя лишь потому, что заложницы принадлежат цезарю. Он к тому же не любит Авла и Помпонию... Я не думаю, чтобы Петроний, желая отнять тебя у Авла, прибег к такому способу... Не знаю, лучше ли Петроний тех людей, которые окружают цезаря, но он во всяком случае не похож на них... Может быть, кроме него ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы просить за тебя? Не видел ли тебя у Авла близкий к цезарю человек?

— У нас бывали Веспасиан и Тит...

— Цезарь не любит их.

— Сенека...

— Достаточно Сенеке посоветовать что-нибудь, и цезарь поступит как раз наоборот.

Бледное лицо Лигии слегка раздурмянилось.

— И Виниций...

— Я не знаю его.

— Племянник Петрония, вернувшийся недавно из Армении...

— Ты думаешь, что цезарь рад его видеть?

— Виниция все любят.

— И он мог бы просить за тебя?

— Да.

Актея улыбнулась и сказала:

— Ты, вероятно, увидишь его на пиру. Ты должна присутствовать на нем непременно. Только такой ребенок, как ты, мог подумать иначе. Если хочешь вернуться в дом Авла, ищи случая попросить Петрония и Виниция, чтобы они своим влиянием выхлопотали тебе право возвращения. Если бы они были здесь сейчас, оба сказали бы тебе то же, что и я: безумие и гибель оказывать неповиновение. Правда, цезарь мог бы не заметить твоего отсутствия, но если бы он заметил и подумал, что ты противишься его воле, то для тебя не было бы спасения. Иди, Лигия... Слышишь шум в доме? Солнце садится, и гости скоро начнут собираться.

— Ты права, Актея, — ответила Лигия, — я последую твоему совету.

Сколько в этом решении было желания увидеться с Виницием и Петронием, сколько женского любопытства хоть раз в жизни увидеть пир, на нем самого цезаря, двор, знаменитую Поппею и других красавиц и всю неслыханную пышность, о которой рассказывали в Риме чудеса, — сама Лигия, вероятно, не сумела бы ясно отдать себе отчета. Но Актея была права, и девушка понимала это. Идти на пир было необходимо, а раз необходимость и рассудок поддерживали тайное искушение, Лигия перестала колебаться.

Актея отвела Лигию в свою комнату, чтобы одеть ее, и хотя в доме цезаря не было недостатка в рабынях и у Актеи их было достаточное число для личных услуг, она из сочувствия к девушке, невинность и красота которой глубоко растрогали ее, решила лично заняться ее туалетом. И тотчас оказалось, что в молодой дочери Греции, несмотря на ее печаль и внимательное чтение писем Павла из Тарса, много еще осталось старой эллинской души, для которой красота тела говорит сильнее, чем все другое на свете. Раздев Лигию и увидев формы ее тела, словно вылитые из жемчуга и роз, полные и стройные, она не могла удержаться от крика удивления, и, отступив на несколько шагов, с восторгом смотрела на эту несравненную весеннюю красоту.

— Лигия! — воскликнула она наконец. — Ты в сто раз красивее Поппеи!

Девушка, воспитанная в строгом доме Помпонии, где скромность была обязательна даже в присутствии одних женщин, стояла чудесная, как сновидение, гармоничная, как произведение Праксителя, как воплощенная песнь, но смущенная, розовая, со сжатыми коленями, с руками на груди, с опущенными вниз глазами. Потом, вдруг подняв к голове руки и вынув шпильки, поддерживающие волосы, она тряхнула головой и мгновенно покрылась ими, как плащом.

Актея подошла к ней ближе и сказала:

— Какие волосы!.. Я не осыплю их золотой пудрой, они сами отливают золотом... Разве чуть-чуть, чтобы заставить их сиять, как отблеск солнца... Чудесный ваш край лигийский, где рождаются такие девушки.

— Я не помню родины, — ответила Лигия. — Урс говорит, что у нас только леса, леса и леса...

— А в лесах цветут такие цветы, — сказала Актея, макая руки в сосуд с вербеной и увлажняя ими волосы Лигии.

Потом она стала слегка натирать тело девушки благовонными аравийскими мазями, после чего одела ее в золотистую тунику без рукавов, на которую потом Лигия должна была надеть белоснежный пеплум. Но раньше нужно было причесать волосы, поэтому она закутала девушку широким покрывалом и, усадив в кресло, поручила ее рабыням, чтобы самой издали наблюдать за причесыванием. Две рабыни тем временем надевали на ноги Лигии белые, шитые пурпуром сандалии, переплетая накрест золотые тесемки. Когда прическа была закончена, на Лигию надели пеплум, легкие складки которого были старательно уложены, после чего Актея застегнула жемчужное ожерелье на шею девушки и слегка попудрила ей волосы. Затем она велела одевать себя, не спуская все время восхищенных глаз с Лигии.

Она скоро была готова, и, когда у главных ворот стали появляться первые лектики, они вошли в боковой портик, откуда виден был главный вход, внутренние галереи и двор, окруженный колоннадой из нумидийского мрамора.

— Лигия! — воскликнула она наконец. — Ты в сто раз красивее Понпеи!

О ХУДОЖНИКАХ ЭТОЙ КНИГИ

Ян Стыка — польский живописец, родился в 1858 году во Львове, закончил с отличием Венскую академию художеств, совершенствовал свое мастерство в Италии, Риме, Кракове — у Матейки. Вторую половину жизни провел в Париже.

В 1894 году он принял предложение Игнасия Падеревского, известного польского государственного деятеля, создать серию монументальных полотен на евангельские сюжеты.

В течение двух лет Ян Стыка готовился к исполнению этого проекта, совершил паломничество на Святую землю, в Рим, где встретился с папой Львом XIII и получил его благословение на работу.

В 1897 году в Варшаве были выставлены его монументальные полотна на библейские сюжеты: «Голгофа», «Мучения христиан» и другие, которые потом с огромным успехом демонстрировались во многих европейских столицах.

Заслуженную славу художнику также принесла его деятельность в качестве иллюстратора книг. Наиболее известные его работы — это великолепные иллюстрации к роману Генрика Сенкевича «Камо грядеши» и поэме Гомера «Одиссея».

Скончался Ян Стыка в 1925 году и был похоронен в Риме.

Адриано Минарди (1857—1938) — известный итальянский художник-иллюстратор. Сотрудничал с многочисленными иллюстрированными журналами. Как иллюстратор книг создал рисунки к 40 произведениям мировой литературы. Одной из самых известных его работ стали иллюстрации к роману Генрика Сенкевича «Камо грядеши».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	213
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	377
<i>Этилог</i>	608
О художниках этой книги	615